

В 30
У 68

АБ

Урал, Россия, далее везде...

Годы жизни
изобретателя радио
Александра Степановича Попова
в Пермской губернии

AB

Урал, Россия, далее везде...

Историко-публицистическое издание

ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
Екатеринбург, 2011

УДК 621.396 С(092)

ББК 32.84 д

С 891

Уважаемые читатели!

Часть средств, собранных от продажи книги, будет направлена на строительство первого памятника А.С. Попова в Перми.

С 891 «Урал, Россия, далее везде...»: ОАО «ИПП «Уральский рабочий», 2011 г. — 208 стр. с ил.

ISBN 978-5-85383-497-2

Весь мир знает А. С. Попова как выдающегося ученого, талантливого изобретателя — об этом периоде биографии известно все. Но вот то, как прошли детство и юность изобретателя на Урале и в Пермской губернии, в какой среде кристаллизовались его характер и мировоззрение описано не достаточно. Авторы воссоздали целостную картину того времени, в котором прошли детские годы русского ученого «от чистого источника в прекрасное далеко».

Особое место в книге занимает показ духовного становления личности великого изобретателя. Глубокие православные корни его рода, впитываемые с рождения высокие ценности христианства, способствовали раскрытию лучших качеств природы А. С. Попова, проявлению патриотизма и верности идеалам истинного россиянина.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вы держите в руках книгу о нашем знаменитом земляке, создателе радио Александре Степановиче Попове, прославившем Пермскую губернию своим величайшим изобретением. Его имя знакомо каждому, а мы, пермяки, гордимся тем, что часть жизни ученого и инженера была связана с нашим родным краем.

Прикамье дало стране немало людей, чьи имена принесли славу Уралу и России. Уверен, Пермский край продолжит традицию рождения новых гениев.

**Губернатор Пермского края
О.А.ЧИРКУНОВ**

A handwritten signature in blue ink, consisting of several fluid, overlapping strokes that form a stylized representation of the name Oleg A. Chirkunov.

ДОБРАЯ ВЕТВЬ КРЕПКОГО ДРЕВА

Сердечно приветствую читателей биографического исследования П. В. Агапова «Урал, Россия, далее везде...», посвященного детским и юношеским годам выдающегося русского ученого Александра Степановича Попова.

Эта книга будет интересна многим, поскольку является первой попыткой столь подробно рассказать о периоде, в котором сформировалась личность замечательного человека. Церковная же аудитория найдет в ней, благодаря использованному приему художественной реконструкции, рассказ о самом сокровенном – рассказ о вере.

Не секрет, что достаточно долго обществу навязывалась точка зрения, согласно которой ученый-естествоиспытатель не может быть верующим, что между наукой и религией лежит непреодолимая пропасть.

Жизнь А. С. Попова является прямым опровержением данного заблуждения, достаточно вспомнить о происхождении ученого из старинного священнического рода Поповых. И отец, и дед, и прадед его, равно как и многие другие родственники Александра Степановича, были православными священниками, простыми делателями на ниве Христовой.

Именно в этой благодатной семейной среде, в среде духовных училищ и семинарии юноша Александр Попов приобрел навык упорного труда, сострадания, любви к ближним, приверженности высоким идеалам, приобрел все то, что, в сопряжении с талантом и знаниями, позволило ему войти в число лучших сынов нашего народа.

Сегодня, когда пред Россией стоят неимоверно сложные задачи социального и экономического развития, особое значение приобретает опыт русской педагогики, всегда опиравшейся на духовное начало. Ведь сделать свою страну процветающей может только тот, кто трудится на ее благо по призванию, что, в свою очередь, едва ли будет возможно без мотивации самого высшего порядка. Так подросток Попов, движимый христианской добродетелью, став ученым Поповым сторицей вернул Отчизне полученное благо, продемонстрировав неподдельный патриотизм, когда, например, отказался продать за рубеж свои изобретения, стоившие баснословных денег.

Сам же Александр Степанович, уроженец Урала, достойный сын своей Родины, через вклад в мировую науку ставший гражданином всего мира, пусть теперь запомнится нам, читателям книги, еще и таким – молодым, подлинно цельным в своей глубокой религиозности и открытости всему новому.

Митрополит Пермский и Соликамский
МЕФОДИЙ

Урал – огромная часть промышленной биографии России, история открытий и изобретений, технических находок и воплощений. Как и везде, в Прикамье она создавалась разумом и трудом сильных и талантливых людей. Знать свою историю, вдохновляться ею, помнить людей, которые двигали вперед науку и производство, брать с них пример целеустремленности и трудолюбия – значит, наращивать потенциал родного края.

Историко-биографическая повесть, посвященная ранним годам жизни изобретателя радио Александра Попова пронизана духом патриотизма и преданности родному Отечеству. Особое значение имеет то, что это – книга о великом русском инженере, всю свою жизнь бескорыстно посвятившем науке, изобретательству и служению Родине.

Александр Попов не стремился к славе, не искал ее. Она, как это бывает нередко, сама нашла его и поставила в один ряд с другими известнейшими и достойнейшими сынами России. И это справедливо по отношению не только к личности изобретателя, но и к тем, кто вслед за ним раскрывает свои таланты и приносит пользу обществу.

История становления А. С. Попова как ученого и изобретателя интересна и поучительна для сегодняшних молодых людей, решивших посвятить себя научно-исследовательской деятельности. Книга весьма своевременна с точки зрения наметившейся в современном обществе тенденции на повышение престижа инженерных профессий.

**Академик Российской академии наук,
член президиума Российской академии наук,
председатель Пермского научного центра УрО РАН,
директор Института механики сплошных сред УрО РАН**

В. П. МАТВЕЕНКО

A handwritten signature in blue ink, reading "Матвеевко" in a cursive style.

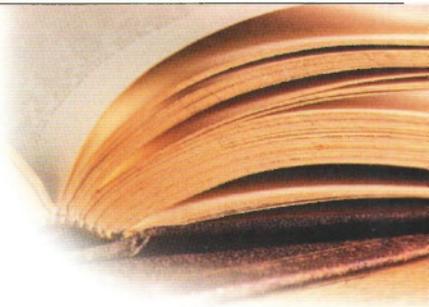
Amey

Урал, Россия, далее везде...

Годы жизни
изобретателя радио
Александра Степановича Попова
в Пермской губернии

Пермь
2011

ВСТУПЛЕНИЕ

Восток и Запад. Общинность и индивидуализм. Россия и Америка. Полная противоположность и извечное соперничество. Кто раньше, быстрее, сильнее?

Помните историю с изобретением способа расположения букв на клавиатуре печатной машинки? Сначала все они размещались просто по алфавиту. Это было неудобно: часто используемые клавиши находились рядом, а после удара очень долго приходили в исходное положение. У особо нетерпеливых клавиши цеплялись одна за другую, и машинка выходила из строя. В 1868 году американец Кристофер Лэтем Шоулз придумал другой способ расположения букв, разнеся их в разные места клавиатуры. Первым делом он получил патент на изобретение, а спустя два года продал его производителю печатных машинок – фирме «Ремингтон».

Рекламная кампания «Ремингтона» по продаже новых печатных машинок с раскладкой QWERTY проходила под девизом: «У нас самое удобное расположение букв!» И хотя это было совсем не так (для рекламных лозунгов такой прием, в общем-то, неудивителен), продажи моментально выросли. И имя Шоулза осталось в истории мировых изобретений.

Намного удобнее, как сказали бы сегодня, эргономичнее оказался способ расположения алфавита, придуманный русским изобретателем, чье имя для истории (разумеется!) не сохранилось. Он почему-то не стал обращаться в патентный комитет.

Почему? Думается, причина кроется в культуре нации, в мировоззрении, сформировавшемся у народа веками. Вот он, контраст. «Скромность украшает человека», – говорит русский. И, желая того или нет, живет по этим правилам, потому что это заложено в его генетической памяти. «Только нищий скромен», – читаем мы у великого поэта Западной Европы Гете. И немцы (а также весь европейский мир) живут, ставя во главу угла материальное благополучие.

**Александр
Степанович
Попов**

Западный человек, озаренный новой идеей, стремится в первую очередь узаконить свои права на нее. А русский торопится рассказать о ней людям, подарить миру свое изобретение.

Поэтому обязанность русского общества – возратить его гениям эти долги. Рождение книги, которую вы держите в руках, продиктовано стремлением отдать должное людям, возвеличившим авторитет великой России, создавшим ей приоритет на важнейших направлениях общечеловеческого развития.

Один из таких великих россиян – уроженец Пермской губернии, изобретатель радио Александр Степанович Попов. В полной ли мере оценены его заслуги перед Отечеством? На наш взгляд, нет. Свидетельство этому мы находим уже в энциклопедических изданиях. Возьмем новейший выпуск «Большого Российского энциклопедического словаря»¹.

Вот справка из него: *«Попов Ал-др Степ. (1859–1905/06), рос. физик и электротехник, один из пионеров применения эл.-магн. волн в практических целях (в т. ч. для радиосвязи). В нач. 1895 создал совершенный по тому времени вариант радиоприемника и продемонстрировал его 25.4. (7.5) 1895, используя в качестве источника*

эл.-магн. излучения вибратор Герца. На базе своего радиоприемника сконструировал (1895) прибор для регистрации грозových разрядов («грозоотметчик»). В 1897 начал работы по беспроволочному телеграфированию. В том же году передал на расстояние ок. 200 м свою первую радиограмму, состоящую из двух слов «Генрих Герц». В 1901 достиг дальности радиосвязи ок. 150 км. Зол. медаль на Всемирной выставке 1900 года в Париже».

Увы, для «энциклопедистов» Александр Попов по-прежнему остается «одним из...». И это несмотря на то, что приоритет нашего земляка как первооткрывателя в изобретении радио был установлен еще при его жизни, в 1903 году в Германии, на первой Всемирной конференции по телеграфии без проводов Международного союза электросвязи. В наши дни этот же приоритет подтвердила ЮНЕСКО.

Неужели повторяется история конца XIX века, когда основные купоны с изобретения Александра Степановича состриг известный

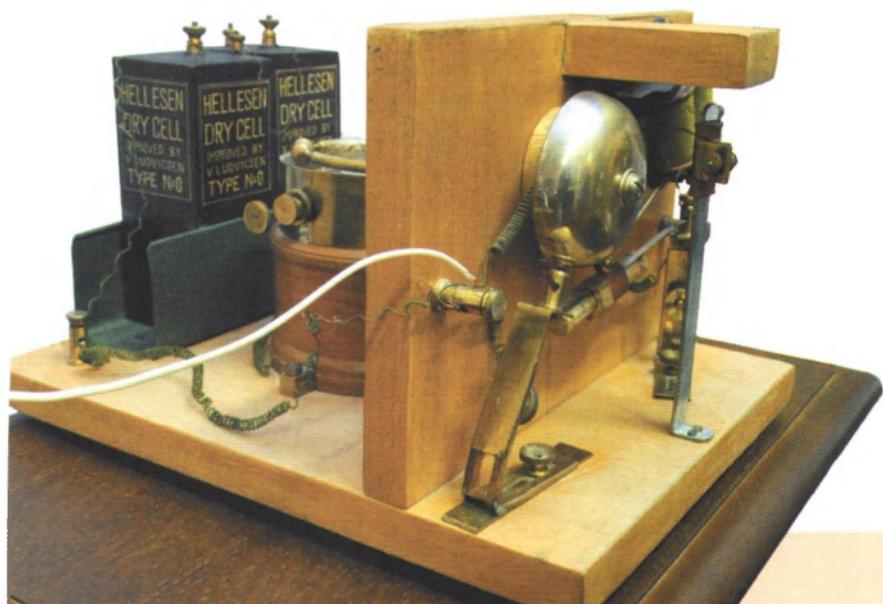
¹ Научное издательство «Большая Российская энциклопедия». Москва, 2008.

итальянец Гульельмо Маркони? Тогда, напомним, он смог успешно использовать открытие Попова, заработал на этом миллионы долларов и в 1909 году вместе с немцем К. Ф. Брауном получил Нобелевскую премию. И это притом что на момент публичной демонстрации Поповым первого в мире радиоприемника Маркони был никому не известным 20-летним студентом, а заявку на якобы свое изобретение подал спустя два года: одновременно с организацией им акционерного общества по разработке и продвижению радио как средства связи.

Путешественники из России, посетив в Италии могилу Маркони, с удивлением прочитали на его памятнике надпись о том, что здесь покойтся прах изобретателя радио! Нужно ли говорить, как они были огорчены подобной несправедливостью.

Но если отбросить эмоции, надо признать, что обе эти незаурядные личности, каждый по-своему, – гениальные профессионалы. И Маркони заслуженно считается одним из первых в мире создателей практической радиосвязи. Однако есть тут одно обстоятельство, которое поневоле привлекает внимание. Дело в том, что история сохранила мало фотографий, где запечатлен Попов (и это несмотря на то, что сам он весьма увлекался фотографированием!), и много – где Маркони. Первый всегда срезан, углублен в себя, в свои размышления и на групповых фото стоит или сидит с краю: даже на последнем, где его семья еще в полном составе, а главе ее, как водится, место должно быть отведено в центре. Второй же откровенно «подает себя»: он – непременно в центре групповых снимков и излучает лучезарное итальянское «беллссимо». Даже такое поверхностное различие, на наш взгляд, символично: эти два человека воплощают в себе диаметрально противоположные типы гениев научно-технической мысли.

Подобные Попову генииследователи, как подчеркивает министр связи и массовых коммуникаций РФ Игорь Шёголев, изначально и до конца своей карьеры ориентируются на решение поставленных задач ради научной и общественной пользы. Они отдают должное предшественникам, щедро делятся своими интеллектуальными находками с учениками. Те же, кто сродни Маркони (а он, по признанию многих, знавших

«Прибор для обнаружения и регистрации быстрых электромагнитных колебаний» – первый в мире радиоприемник А. С. Попова образца 1895 года. Действующая модель

его, действительно был блестящим эрудитом, целеустремленным и талантливым менеджером), обожают саморекламу, нацелены на личный успех и процветание, коммерческое использование своих и чужих идей.

История открытий Александра Попова – в духе российской цивилизации: они полезны, надежны и легкоприменимы. Что же касается платы государства за такие подвижнические труды, то она была достаточно скромной. Не случайно же в летние каникулы в течение десяти лет, с 1889 по 1899 год, Александр Степанович выезжал на четырехмесячную подработку – руководить электростанцией на знаменитой в ту пору Всероссийской ярмарке в Нижнем Новгороде, а его семья, которой он был всегда беззаветно предан и вместе с верной женой Раисой Алексеевной воспитывал четверых детей, была вынуждена жить неподалеку от него: на станции Черной (нынешний Дзержинск).

Но Попов не был бы самим собой, если бы и тут, параллельно с добыванием средств на содержание семьи, не занимался научно-исследовательской работой. Именно в Нижнем Новгороде изобретатель на практике опробовал свой «грозоотметчик». Поначалу, после использования его в первом искровом приемнике, он был установлен в обсерватории Лесного института в Санкт-Петербурге, а затем, в качестве прибора по технике безопасности, – на нижегородской электростанции. Там очень скоро убедились в его несомненной практической пользе: прибор заранее предупреждал о приближении грозы, а это позволяло своевременно отключать генераторы и заземлять шины.

Как раз за это изобретение в 1896-м оргкомитет Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде

присудил Александру Степановичу Диплом второго разряда с формулировкой: «За изобретение нового и оригинального инструмента для исследования гроз». И это стало первой наградой ученому: в финансовом плане – достаточно скромной.

Правда, в 1901 году, после готландской эпопеи по спасению севшего на мель броненосца «Генерал-адмирал Апраксин» и рыбаков, унесенных в Финский залив на льдине (тогда впервые была осуществлена радиосвязь в

**Броненосец
«Генерал-адмирал Апраксин»**

Балтийском море на расстоянии свыше 40 километров), когда Попов стал знаменит на всю Россию и полмира, вышел приказ по флоту об объявлении ему высочайшей благодарности. А через несколько дней после этого государь повелел выдать изобретателю премию в 33 тысячи рублей.

Да, огромные в ту пору деньги. Как же распорядился ими наш изобретатель? Купил усадьбу в поселке Удомля близ Вышнего Волочка, рояль, что-то еще для родных, обновил мебель в доме, а оставшиеся весьма солидные деньги, заботясь о семье и чувствуя ухудшение своего здоровья, положил в банк. Поповы всегда жили экономно. Почти все эти премиальные деньги долежали в банке до 1917-го и сгорели в огне большевистского переворота.

Вот уж, действительно, Попов – не Маркони, а Россия той поры – не цивилизованная прагматичная Европа, которой наш изобретатель был очень нужен. После того как его избрали членом Французского физического общества, а на Электротехническом конгрессе Международной электротехнической выставки¹ в Париже в 1900-м наградили Золотой медалью, коммерческие фирмы развитых европейских государств упорно звали его к себе на постоянное местожительство и работу. Денежное содержание предлагаемых контрактов – просто сказочное. Подписывай – и ты, все твои дети и внуки обеспечены на всю жизнь! Мало того – такие же сказочные условия сулились и для научной, внедренческой работы: тут тебе и лаборатории, оснащенные по последнему слову тогдашней науки и техники; и средства для всего необходимого процесса исследований; и научно-технические архивы и литература; и помощники-специалисты.

Чем же ответил на это Попов? Заявлением, достойным настоящего патриота: «Я – русский человек, и все мои знания, весь мой труд, все свои достижения имею право отдать только моей Родине. Я горд тем, что родился русским, и если не современники, то, может быть, потомки наши поймут, сколь велика моя преданность нашей Родине и как счастлив я, что не за рубежом, а в России открыто такое средство связи».

Но, может быть, Попов искал личной выгоды у себя, в России? Ни в какой мере! Судите сами: после окончания Санкт-Петербургского Императорского университета он встал перед выбором: быть профессором престижного столичного высшего учебного заведения с высоким жалованьем или отправиться в Кронштадт, преподавать физику в Минных офицерских классах (по сути, их можно приравнять к нынешнему техникуму).

Понятно, как поступил бы Маркони. А вот Попов без колебаний оставляет столицу с ее высокооплачиваемыми перспективами, грядущими научными званиями и постами, зарабатыванием «имени на слуху» и отправляется в Кронштадт. Почему? Да просто потому, что там лучшее в России оборудование для электротехнических и фи-

Гульельмо
Маркони

¹ В названии этого мероприятия вышеупомянутый энциклопедический словарь явно ошибся.

зических исследований, а прогрессивное в ту пору военно-морское ведомство заботится о том, чтобы в Минные офицерские классы своевременно доставлялись из Европы свежие научные книги и периодика. А, значит, именно в Кронштадте тогда сложились наилучшие в стране условия для физических исследований, главным образом, в области электромагнитных колебаний, и Попов вполне прагматично пользуется этим. Но, опять же, – во славу Отечества и российской науки.

Случайность ли то, что радио было изобретено именно в нашей стране? Уверены, вовсе нет. Речь ведь не об открытии какого-нибудь золотonosного Клондайка в Канаде, что само по себе подарок судьбы и природы. Гениальное изобретение Попова стало закономерным следствием и логическим результатом ряда достижений русской физики и электротехники конца XIX века. Несмотря на достаточно тяжелые условия работы и жизни в России на рубеже веков, Александр Степанович сумел обобщить и развить сделанные до него открытия в научно-технической сфере, придя к изобретению радио. А этому предшествовала методичная, кропотливая работа: тысячи экспериментов с когерером и металлическими порошками, ежедневная расшифровка записей, постоянное разгадывание подбираемых непознанной природой загадок. И все это отнюдь не ради собственного триумфа, а исключительно во благо отечественной науки. Впечатляющий пример: знаменитый приемник, который был продемонстрирован на историческом уже заседании физического отделения Русского физико-математического общества 7 мая (25 апреля по старому стилю) 1895 года, был задуман Поповым как наглядное пособие для учащихся Минных офицерских классов в Кронштадте. И потом, когда его изобретение стало свершившимся фактом, а осуществленный им прорыв в научно-технической сфере начал получать дальнейшее и непрерывное развитие, Александр Степанович не устал подчеркивать в выступлениях то, что своим успехом обязан гениальным предшественникам в области физики и электротехники – итальянцу Алессандро Вольта, англичанам Джеймсу Максвеллу и Майклу Фарадею, немцу Генриху Герцу... И вовсе не случайно первая в мире радиogramма, переданная Поповым в 1897 году по беспроводному телеграфу на расстояние 200 метров, состояла из двух слов «Генрих Герц». Вы можете представить себе, чтобы Маркони в такой же ситуации передал бы имя своего предшественника – «Попов»? Мы – нет.

Востребованы ли сегодня такие ученые, как Александр Попов? Да, считает министр Игорь Шёголев. Он уверен, что без исследователей первого типа сегодняшней России не обойтись.

По его мнению, ученого и гражданина Попова отличают пять критериев идеального профессионала.

ПАТЕНТЬ НА ПРИВИЛЕГІЮ

№ 6066

О УКАЗУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Привилегія сія выдана профессору *Института Технологическаго Университета Александра III* Александру Попову, краемивидиющему и въ Петербургѣ, на изобрѣтеніе *вещи, позволяющей пользоваться электромашиннымъ двигателемъ,* во всемъ согласно съ приложеннымъ къ сему описаніемъ и указанными въ немъ отличительными особенностями, по прошенію, поданному 14 Июня 1901 года.

Дѣйствіе сей привилегіи простирается *на каждаго изобрѣтателя* отъ нижеписаннаго числа, при соблюденіи слѣдующихъ условий:
1) ежегодной уплаты пошлины за привилегію не позднѣе 30 Марта 1901 года 2) приведенія означеннаго изобрѣтенія въ дѣйствіе въ Россіи и представленія о семъ въ Отдѣлъ Промышленности удостовѣренія подлежащаго начальства не позднѣе 30 Марта 1901 года.

Правительство не ручается ни въ принадлежности изобрѣтеній и усовершенствованій просителю, ни въ пользѣ оныхъ, но выдачею сего патента лишь удостовѣряетъ, что на упомянутое изобрѣтеніе прежде сего никому другому въ Россіи не было выдано привилегіи.

Въ увѣреніе чего выданъ сей патентъ, за надлежащимъ подписаніемъ и приложеніемъ печати.

С.-Петербургъ, 30 Марта 1901 года.

За Министра Финансовъ, *И. Мининъ*
Товарищъ Министра *И. Мининъ*

Управляющій Отдѣломъ Промышленности *И. Самойловъ*

Из семейного альбома

Г. да.
в афен.

А. С. Попов с семьей

Это, во-первых, мотивация к постоянному повышению уровня образования. Во-вторых, ориентированность на практическую общественную пользу, а не на личную выгоду. В-третьих, важный фактор успеха – ответственное отношение к своему здоровью, физическому и духовному, как к ресурсу, который надо разумно использовать на благо семьи, профессионального сообщества, Отечества. Попов не курил, не употреблял спиртного, решительно отказался от популярного образа «великого ученого», который якобы имеет право на сумасбродство, кутежи и эпатажные выходки. В-четвертых, патриотизм. Любое открытие должно быть не фамильным секретом, обогащающим нескольких человек, а достоянием общества. И наконец, в-пятых, социально ответственная жизненная позиция.

Нельзя сказать, что Александр Степанович был обойден общественным и научным признанием у себя на родине. Осенью 1901 года его назначают профессором Петербургского электротехнического института имени Александра III. Он успешно продолжает свои исследования, не особо заботясь о том, чтобы «застолбить» свои открытия на мировом поле. Главным для него всегда был практический результат от них, а не полученные за это регалии. Хотя высшая честь, оказанная отечественным научным сообществом в знак признания его подвижнического труда, – избрание председателем Русского физического общества – по признанию близких ему людей, растрогала ученого до слез. Правда, такое признание произошло всего за четыре дня до его смерти.

И как тут не посетовать на непредсказуемую судьбу! В революционном 1905-м стало модно и возможно избирать руководителей научных учреждений. Вот преподаватели, студенты электротехнического института и избрали своим директором авторитетнейшего и демократичного Попова. Кстати, в соседнем институте – таком же путем пришел тогда к руководству и великий русский геолог Евграф Степанович Федоров, в конце XIX века долготворно работавший на родине Попова, в Богословском горном округе, и создавший там, в Турьинских Рудниках (ныне город Краснотурьинск), геологический музей, названный его именем. Но в отличие от подопечных Федорова, студенты-электротехники были настроены революционно и активно участвовали в беспорядках 1905-го года.

Их безрассудство дорого обошлось российской и мировой науке. Директор института Попов был вызван «на ковер» к генерал-губернатору Санкт-Петербурга. Тот был взбешен и выражений не подбирает... Александр Степанович после этого как-то стремительно постарел и в ночь под новый 1906-ой год скорострительно скончался от кровоизлияния в мозг. Бессмысленные и беспощадные русские революции продолжили свою кровавую жатву, начатую 9 января 1905 года...

Но время вспять не обратить. А мы вынуждены признать, что наша страна по-прежнему щедро и легко разбрасывается своими та-

лантами. Они уезжают за рубеж, а их место нередко занимают профессионалы второго типа – шумные и яркие «презентаторы». И это уже не миф, а жестокая, нелюбимая правда.

Вот почему сегодня так важно поднять престиж позитивного образа российского ученого, изобретателя, инженера, техника – всех тех, сутью натуры которых является модель гениальности Александра Попова. И именно поэтому наш великий соотечественник принадлежит не столько мировой и отечественной истории, сколько сегодняшним реалиям нашей жизни. И вместе с ним мы проходим тернистый путь новаторства – от созданного им еще в подростковом возрасте «грозоотметчика» до основанных на изобретениях Попова систем современной космической связи.

Глубоко символично то, что в год 150-летия Александра Степановича Попова – в 2009-м – на околоземную орбиту выведен отечественный спутник связи последнего поколения, названный его именем. И это – добрый знак признания того, что, по известному и немного перефразированному нами высказыванию Михаила Васильевича Ломоносова, может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов земля уральская рождать. И об этом – наша книга.

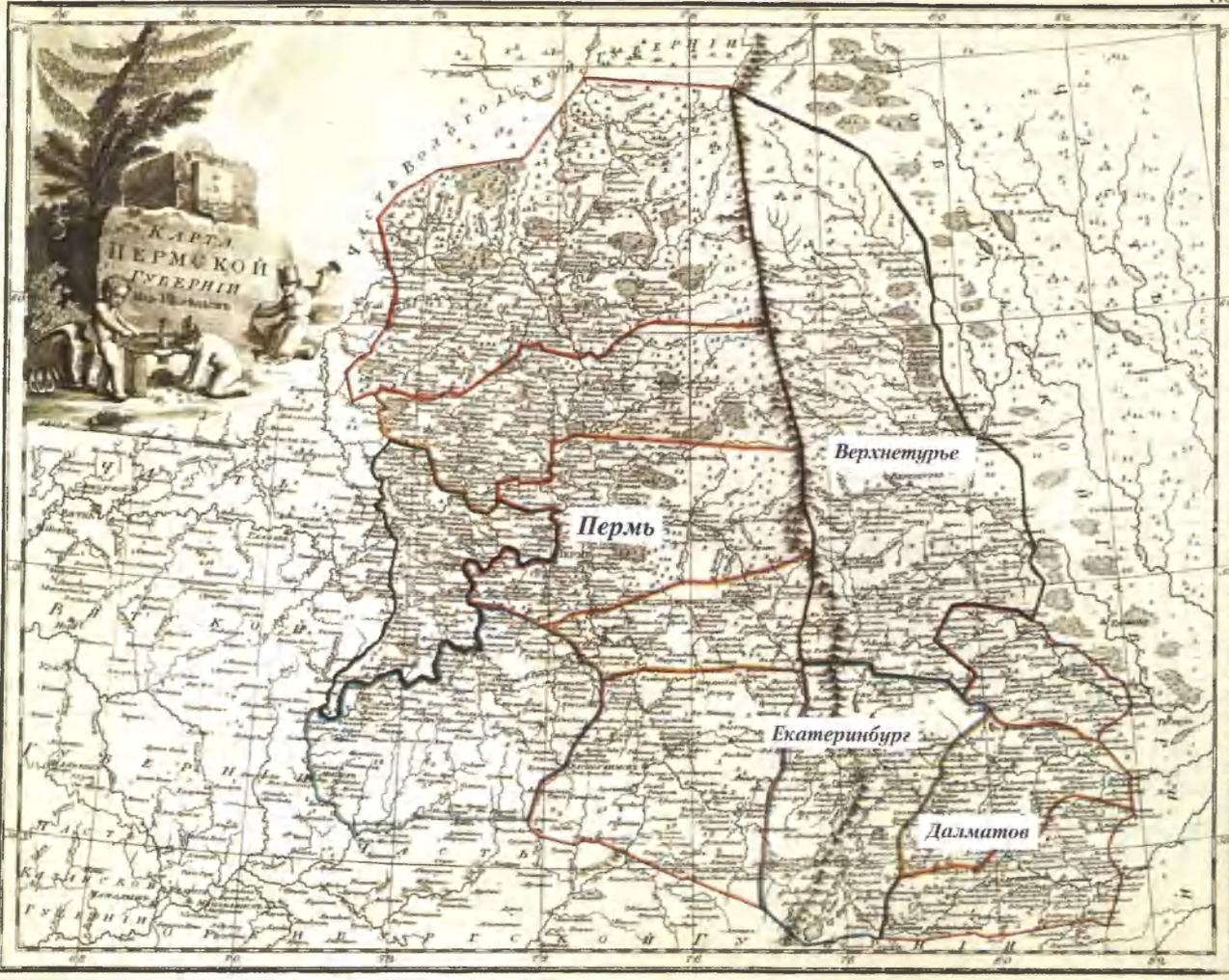
*Санкт-Петербург.
Конец XIX века*

Глава I

ТУРЬИНСКИЕ РУДНИКИ

От чистого истока...

ПЛОДОРОДНАЯ ЗЕМЛЯ УРАЛА

Сиреневое мартовское утро. Звенит морозный воздух, небо ясное и чистое. Сегодня будет яркий солнечный день и морозец за двадцать – это уже весна. И весна новой жизни. С утра в доме Поповых радостное оживление. Идет подготовка к важному событию – крещению новорожденного. Уже с рассвета в кухне суета: бренчат посудой, замешивают тесто на пироги, что-то клопочет в чугушках, поставленных в печь. То и дело хлопает дверь: кто-то выбегает за дровами, за колодезной водой.

Из родительской спальни доносятся шаги отца, негромкий разговор и, время от времени, плач младенца. В спальню, кроме отца, разрешено заходить только тетке Матрене, местной повитухе. Она одна ходит по всему дому где и когда сочтет нужным, дает указания. Все ее слушаются и исполняют приказы, даже батюшка.

На детской половине – тоже волнение. Одежки неловко застегиваются, не завязывается бант, с трудом надевается обувь...

Наконец, хлопоты поутихли, и в гостиной собралась вся семья, кроме матушки Анны Степановны, еще слишком слабой после родов, и самого «виновника торжества» – младенца, который знать не знает о своей главной роли в этой суматохе. Две сестрички – Машенька и Катюша – смиренно сидят на диванчике, наряженные по такому торжественному случаю в самые красивые платьица. Им еще не показывали младшего братика, он появился на свет только вчера, и у него пока нет имени.

Десятилетний Рафаил – самый старший из детей семьи Поповых – как и все при параде и тоже находится в некотором душевном смятении: наконец-то в семье появился парень, а то все девчонки да девчонки. Белоснежная рубашка своим твердым воротничком больно трет шею, добавляя беспокойства.

*Золотой нательный крестик
Александра Попова.
Хранится в Мемориальном
музее А. С. Попова
в Краснотурьинске*

**Здесь родился
А. С. Попов.
Дом Поповых в
Турьинских Рудниках
(не сохранился)**

– Что, батюшка, Стефан¹, определились уже с именем? По святцам-то выходит назвать мальчонку Герасимом или Павлом, а то Григорием, – говорит жена горного инженера Надежда Александровна Кларк.

Она выбрана Поповыми в крестные матери новорожденному и, конечно, волнуется: быть восприемницей – большая ответственность. Ведь крестные родители – духовные родственники и для человека значат ни чуть не меньше, чем родные, кровные. Их молитва о своем чаде самая крепкая и способна «со дна моря поднять».

– Определились, – отвечает отец Стефан. – И с матушкой совет держали, и у духовных наставников своих спрашивал. Младенец родился слабый здоровьем, потому крепкое ему требуется покровительство. Уверен, защита преподобного Александра, первоначальника обители «Неусыпающих», окажется в самый раз. Да и крестный – отец Александр Кубасов – ему будет тогда тезкой. А это, знаете ли, большая удача – их обоих будет оберегать один ангел.

– Значит, Александр, – одобрительно кивает Надежда Александровна, – хорошее имя. Вот и царя-батюшку нашего, дай Бог ему здоровья, тоже так зовут. Да и преподобный – монах нам особенно нравится, будет на небесах истово молиться о нашем дитяти².

¹ Церковное имя Степана Петровича Попова.

² Преподобный Александр, первоначальник обители «Неусыпающих», ввел в обители следующий порядок: все иноки были разделены им на 24 молитвенные стражи. Каждый час сменяясь, день и ночь они пели на два лика святые псалмы, за исключением часов, когда в церкви совершалось богослужение. Отсюда и пошло наименование обители «Неусыпающих», потому что неусыпное пение возносилось подвижниками Богу. Сайт: Православие. ру.

В это время в дверях гостиной появилась повитуха, которая держала на руках младенца, едва прикрытого пеленкой. Она прошла в красный угол и аккуратно завернула его в разложенную под иконами меховую подстежку.

Присев на минуточку за стол, накрытый белоснежной накрахмаленной скатертью, все засобирались в церковь.

...Через час эта нарядная и многолюдная процессия вернулась обратно. К ним присоединились коллеги отца Стефана, церковные служащие, и, конечно, сам священник, который совершил таинство крещения, – Василий Конюхов. Новоиспеченные крестные родители Александр Кубасов и Надежда Кларк вошли в дом первыми. Передавая крошечный сверток отцу Стефану, Александр Кубасов, согласно обычаю, пробасил:

– Вы вручили нам дитя молитвенное, получите же окрещенное. Звать его Александр.

Духовное торжество завершилось скромной, но с любовью приготовленной трапезой. Позже, когда все гости, пожелав новонареченному Александру и его родителям здоровья, счастья и долгих лет жизни, разошлись, Степан Петрович и Анна Степановна подошли к колыбельке, из которой было слышно только легкое сопение, и еще раз благославили спящего.

– Ну что, Аннушка, – ласково спросил он жену, – каков молодец родился? Для каких дел, для каких подвигов и свершений?

– Да разве об этом сейчас думать, – улыбнулась Анна Степановна, – был бы жив да здоров. Про подвиги-то уж чуть попозже мечтать станем. Хотя... Кто знает, какую судьбу уготовил нашему Сашуре Господь...

Внутренний вид дома, где родился А. С. Попов: справа в углу – электрический будильник, сконструированный им в 1873 году (с акварели сестры-художницы Августины Поповой, 1881 год)

Иногда, чтобы понять, откуда в человеке те или иные качества характера, заложенные в его натуре свойства, достаточно ознакомиться с природой и историей тех мест, где он формировался как личность. Может быть, как раз в этом разгадка феномена Попова?

Давайте вместе окунемся в уникальную историю горнозаводского Урала.

История поселка Турьинские Рудники (ныне город Краснотурьинск) берет свое начало с середины XVIII века.

Из семейного альбома

Г. да.
в архив.

Степан Петрович и Анна Степановна Поповы –
родители А.С. Попова

Существует легенда о том, как в те далекие времена стал формироваться будущий Богословский горный округ. Согласно ей, в 1750-х годах в Верхотурье один из местных вогулов показал купцу Максиму Походяшину несколько медных самородков и пообещал ему открыть месторождение их, если получит на руки десять рублей.

Но в то время купец был без денег и решил заложить единственную ценную вещь в доме – красный сарафан жены. Несмотря на ее мольбы и слезы, деньги таким вот образом были добыты и перешли к вогулу. Скорее всего это выдумка: купец уже в ту пору был достаточно богат, чтобы не снимать с супруги последнюю одежду. Но тот мифический вогул и впрямь сдержал слово. Отправившись с ним из Верхотурья на север, Походяшин нашел богатые месторождения медной руды.

И впоследствии купец поддерживал тесную связь с вогулами. Они открыли ему многие рудные месторождения на Северном Урале, за что получали от него ежегодно «хлебные припасы и на одежду разные потребности»¹.

К 1740 году у Походяшина в собственности пять винокуренных заводов, а спустя 18 лет в районе нынешнего Краснотурьинска открыли первый Васильевский рудник, названный, по всей видимости, в честь старшего сына Походяшина – Василия. Месторождение оказалось достаточно богатым: как показало лабораторное исследование, в одном центнере руды содержалось до 20 фунтов (более восьми килограммов) черновой меди. Позднее были открыты еще четыре месторождения. Эти рудники и образовавшийся на их базе горняцкий поселок стали называть Турьинскими Рудниками.

К заводам Походяшина сенатским указом было приписано 4 200 душ государственных крестьян Чердынского уезда сроком на 10 лет. Но неэффективность подневольного труда заставила заводчика прибегнуть к силе наемных работников. По свидетельству действительного члена Петербургской академии наук И. И. Лепехина, Походяшин выплачивал за должников «недоимки в казну, с тем, чтобы зыряне зарабатывали их на заводе»². Эти рабочие были одними из первых наемных тружеников на Урале.

Дома Поповых (на заднем плане) и Словоцовых. Снимок сделан А. С. Поповым в конце XIX века. В центре – в белом платье, младшая сестра изобретателя Капитолина

¹ Архив Краснотурьинского краеведческого музея.

² Архив Краснотурьинского краеведческого музея.

Впрочем, и приписные, и вольнонаемные работники находящихся предприятий вынуждены были трудиться фактически как каторжные, принося хозяину огромные доходы. Тот же академик Паллас подчеркивал, что «не проходило ни одной зимы, чтобы здесь многие работники не помирали, а прочие, отделав всю работу, возвращаются в свои дома бедны и нездоровы».

Но даже при такой крайне неэффективной системе производительных сил находились энтузиасты, которые неимоверным напряжением сил, зачастую расплачиваясь за это своим здоровьем и жизнью, все же двигали научно-технический прогресс вперед. Такой «российский феномен» сугубо прагматичная Европа не понимала и до сих пор не понимает.

Но, так или иначе, он сказался на характере и мировоззрении будущего ученого с мировым именем.

Уральские горнозаводские округа представляли собой территории с развитой добывающей и металлургической промышленностью. Здесь гораздо эффективнее, чем где бы то ни было в России, развивались и горные науки, имевшие по большей части прикладной характер. Еще при Петре I, с первой четверти XVIII века, в округах начинают открываться горнозаводские школы – начальные и «повышенного типа» учебные заведения при горных заводах. Они сочетали общее образование с подготовкой квалифицированных рабочих и мастеров горной промышленности.

Медь, добываемая в Богословском горнозаводском округе, шла, главным образом, на чеканку российской медной монеты. Можно только представить, как много ее было в денежном обращении страны. Округом гордились всегда, его показывали иностранцам.

Самый известный из них, выдающийся английский геолог и естествоиспытатель сэр Родерик Импи Мурчисон¹ писал об уральцах: «С таким народом нельзя было попасть ни в какие серьезные затруднения. Если мост был сломан, он восстанавливался как по волшебству. Если река пересохла, то путешественники видели ее словно чудом превращенной в судоходную. Если воды было слишком мало, то крестьяне живо, с веселыми песнями, переволакивали лодки через пороги. Мы не слышали от этих решительных людей ропота ни под дождем, ни под палящим солнцем, ни в зной, ни в стужу, и «Можно!» было их единственным восклицанием»².

Тогда же, в 1841-м, господин Мурчисон побывал и в Богословском горнозаводском округе. Он написал о заводских и рудничных

**Окрестности
Верхнетурьинских
Рудников.
Начало XX века**

¹ Именно он назвал шестой и последний период палеозойской эры Пермским: такой чести не достоин более ни один город на Земле.

² В. М. Михайлюк «Пермский лексикон». Пермское книжное издательство, 2001, стр. 40–42.

*Дом В. П. Словцова. Сейчас музей
А.С. Попова (г. Краснотурьинск)*

*Интерьер дома Поповых.
Краснотурьинский музей
А.С. Попова*

*Церковь святого
Максимилиана
Исповедника.
Конец XIX века*

поселениях: «Ни одно географическое или статистическое сочинение не может передать ясного понятия о блестящем состоянии этих сосредоточий промышленности, каждое из них и более населено, и находится в более цветущем состоянии, нежели многие города, обозначенные на карте крупными буквами».

Но, может быть, сэр Мурчисон излишне комплиментарен и ему, как знаменитому гостю, показывалось тогда только самое лучшее? Вот свидетельство нашего соотечественника – штабс-капитана Максеева, который со всей пристрастностью и служебным рвением обследовал в 1840-х годах всю Пермскую губернию.

О Богословском горнозаводском округе он оставил такие заметки: «Заводы скорее походили на города, нежели деревни. Почти каждый

из них имеет по несколько тысяч душ и превосходит многие уездные города: не только по населению, но и по наружной обстройке, довольству жителей и развитию в некоторой степени промышленности»¹.

Вот в таком поселке, по мнению Мурчисона, «не уступающем мануфактурным городам Европы», и родился Сашура Попов. На тот момент в заводском поселке Турьинские Рудники было свыше тысячи дворов, работали механический и кричный² заводы, кузница, гостиный двор и, конечно же, подземные рудники.

ПО ДОЛГУ БЕСКОРЫСТНОГО СЛУЖЕНИЯ

... Июльский вечер. Окна в столовой дома Поповых раскрыты. Слабый ветерок едва колышет белые кисейные занавески. На улице чуть слышно шелестят листвою деревья, доносятся возгласы играющей детворы.

Время от времени в комнату, надсадно звеня, залетают комары, но собравшиеся в ней люди их не замечают: все увлечены беседой.

– И как же прикажете, милостивые государи, понимать политику нашего дражайшего правительства? – иронично вопрошает господин в косоворотке и светлом полотняном сюртуке. Он поправляет пенсне и требовательно смотрит на Николая Куксинского. – Куда же, сударь, приткнуться теперь страдальцам-крестьянам? Барина-то, кормильца, уж нетути! Ярмо крепостничества, как ваши газетки пишут, сбросили, а жить самостоятельно не научили.

– А с чего вы, уважаемый Сергей Апполинарьевич, взяли, что крестьянин сам себя не прокормит? – улыбаясь, парирует Николай Иосифович, статный мужчина с безукоризненным пробором в темных волосах. – Посмотрите, сколько сегодня желающих работать на наших рудниках! Право, хоть конкурс объявляй.

– А полюшко-то, хлебушек наш засушенный кто возделывать будет?!

– На все воля Божья! – примиряюще вступает в диалог хозяин дома, отец Стефан. – Ибо сказано в Священном Писании: «Есть время разбрасывать камни, и есть время собирать их».

– Ох, боюсь, милостивые государи мои, доразбрасываемся мы! Уйдут крестьяне в города, что есть будем?

– Как что? – улыбается в густую окладистую бороду Степан Петрович. – Матушка Анна картофельные и творожные шаньги испекла с утра. Угощайтесь, сделайте милость! Да чаек с мятой и душицей, со свежим земляничным вареньем испробуйте, прошу вас!

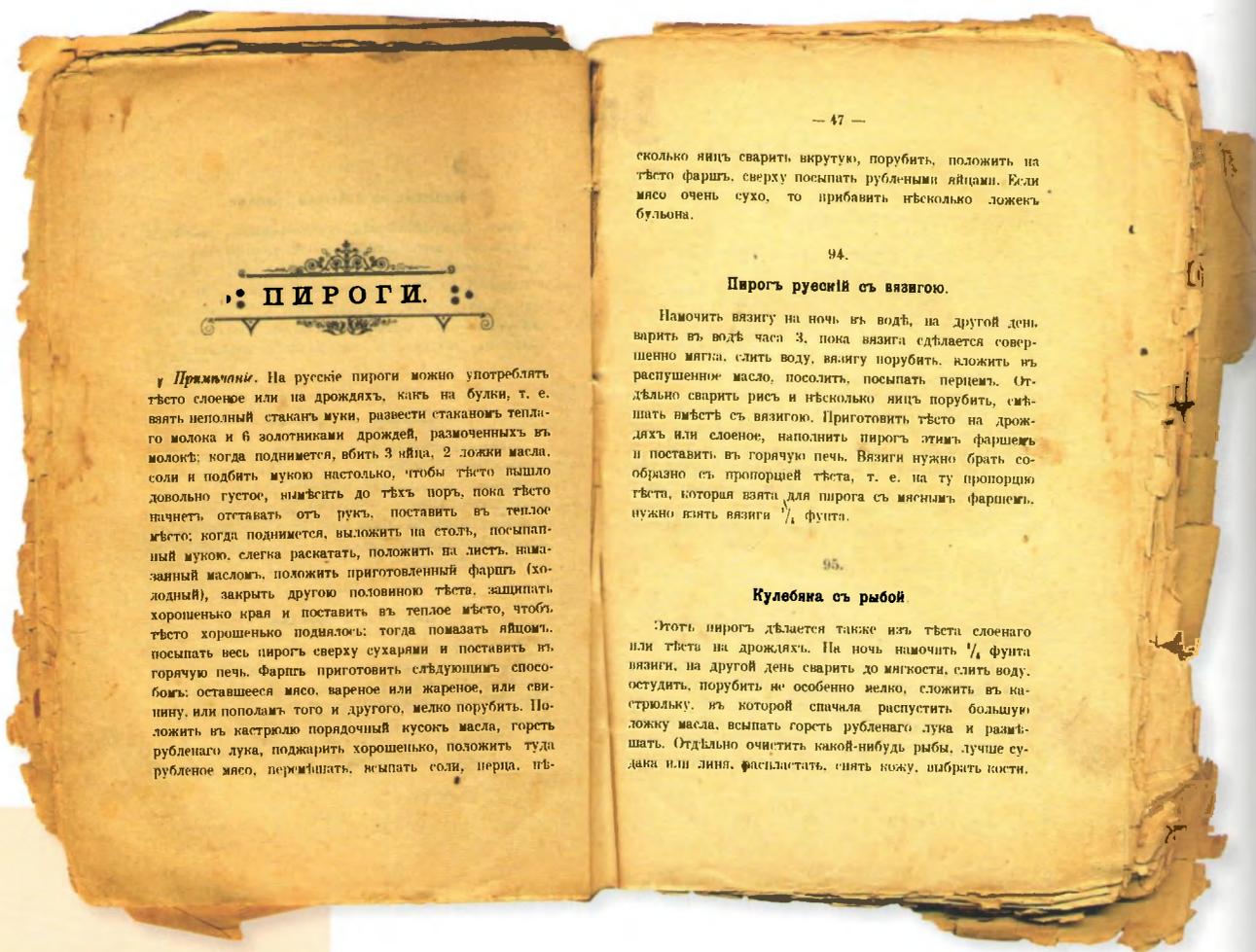
Закатное солнце сияет на ведерном медном самоваре, высвечивает чашки, блюдо с ароматной выпечкой, плошки с разным вареньем к чаю. А еще – петербургские газеты. По турьинским меркам они вполне свежие: всего-то двухнедельной давности.

Их привез из Петербурга недавно назначенный управляющим Турьинскими рудниками Николай Иосифович Куксинский. Неуди-

¹ Архив Краснотурьинского краеведческого музея.

² На кричных заводах из чугуна выплавляют особую сталь – кричное железо.

• ПИРОГИ •

Примечаніе. На русскіе пироги можно употреблять тѣсто слоеное или на дрождахъ, какъ на булки, т. е. взять неполный стаканъ муки, развести стаканомъ теплаго молока и 6 золотниками дрождей, размоченныхъ въ молоко; когда поднимется, вбить 3 яйца, 2 ложки масла, соли и подбить мукою настолько, чтобы тѣсто вышло довольно густое, намазать до тѣхъ поръ, пока тѣсто начнетъ отставать отъ рукъ, поставить въ теплое мѣсто; когда поднимется, выложить на столъ, посыпанный мукою, слегка раскатать, положить на листъ намазанный масломъ, положить приготовленный фаршъ (холодный), закрыть другою половиною тѣста, зашнать хорошенько края и поставить въ теплое мѣсто, чтобы тѣсто хорошенько поднялось; тогда помазать яйцомъ, посыпать весь пирогъ сверху сухарями и поставить въ горячую печь. Фаршъ приготовить слѣдующимъ способомъ: оставшееся мясо, вареное или жареное, или свиному, или пополамъ того и другого, мелко порубить. Положить въ кастрюлю порядочный кусокъ масла, горсть рубленнаго лука, поджарить хорошенько, положить туда рубленое мясо, перемешать, всыпать соли, перца, пѣ-

— 47 —

сколько яицъ сварить вкрутую, порубить, положить на тѣсто фаршъ, сверху посыпать рублеными яйцами. Если мясо очень сухо, то прибавить нѣсколько ложекъ бульона.

94.

Пирогъ русский съ вязигоу.

Намочить вязигу на ночь въ водѣ, на другой день варить въ водѣ часа 3, пока вязига сдѣлается совершенно мягкой, слить воду, вязигу порубить, вложить въ распущенное масло, посолить, посыпать перцемъ. Отдѣльно сварить рисъ и нѣсколько яицъ порубить, смешать вмѣстѣ съ вязигоу. Приготовить тѣсто на дрождахъ или слоеное, наполнить пирогъ этимъ фаршемъ и поставить въ горячую печь. Вязиги нужно брать сообразно съ пропорціей тѣста, т. е. на ту пропорцію тѣста, которая взята для пирога съ мяснымъ фаршемъ, нужно взять вязиги $\frac{1}{4}$ фунта.

95.

Кулебяна съ рыбой

Этотъ пирогъ дѣлается также изъ тѣста слоенаго или тѣста на дрождахъ. На ночь намочить $\frac{1}{4}$ фунта вязиги, на другой день сварить до мягкости, слить воду, остудить, порубить не особенно мелко, сложить въ кастрюльку, въ которой сначала распустить большую ложку масла, всыпать горсть рубленнаго лука и размять. Отдѣльно очистить какой-нибудь рыбы, лучше судака или линя, распластать, снять кожу, выбрать кости,

Страницы поваренной книги
второй половины XIX века

вительно, что соскучившиеся по новостям из центра Российской империи завсегдатаи посиделок у отца Стефана – инженеры и врачи, учителя и люди духовного звания – словом, все, кто жаждал интеллектуального общения, так живо интересуются у Николая Иосифовича всем, чем живет столица: от указов Государя Императора Александра Второго, упразднившего в стране крепостное право и только что получившего в России и Европе имя Освободителя, до последних технических новинок.

Вскоре разговор переходит на проблемы воспитания: для всех, кто живет в Турьинских Рудниках, это очень волнующая тема. Каждому родителю приходится устраивать судьбы своих детей. Существовало бы в поселке техническое либо гуманитарное училище – и все было бы прекрасно: тут тебе и образование, и работа. А так – изволь отсылать чадушек своих в дальние города и веси: туда, где возможности для образования созданы. И проблем тут – пруд пруди!

– Но мы и сами с Божьей помощью здесь многое можем! – неторопливо оглаживает бороду хозяин дома. – Вспомните, что говорил

Аристотель: воспитание детей нуждается в трех вещах – даровании, науке и упражнении.

– Вы правы, батюшка, – соглашается с ним Куксинский. – Только тот же Аристотель, помнится, учил тому, что в деле воспитания юных дарований развитие навыков должно предшествовать развитию ума. Кстати, дорогой отец Стефан, – продолжает он, – как развивается ваша девичья школа? Право, голубчик, скоро в Турьинских Рудниках не останется ни одной неграмотной невесты. Неужели вы думаете, что это очень понравится их будущим мужьям?

– Школа наша работает, – отвечает священник, как бы не замечая иронии в голосе Куксинского. – Сейчас – вакации, а вот по осени приходите, побудьте на уроках, тогда, может, и найдется ответ на ваш вопрос.

– Да разве кому-то грамота помешала хозяйство блюсти, – улыбаясь, вступает в разговор Анна Степановна. – Грамотная жена, по моему мнению, больше ценится, чем неграмотная. Да и жизненный опыт это подтверждает.

– Хорошо, хорошо, убедили! – смеется Куксинский. – Ладно вы живете, друзья мои. Куда иголка, туда и нитка. И детишки у вас чудные. Вот каков малец растет! Смотрите, какой домище построил, прямо дворец. Расти скорей, Сашура, свожу тебя к себе на рудники, на машины смотреть, увидишь, какие еще дворцы бывают, заводами называются...

*Комната семьи Поповых.
Современная реконструкция*

А пока Саша учится, прислушиваясь к разговорам взрослых. Только у отца Стефана собираются такие интересные люди. Все они так или иначе связаны с рудодобывающим производством. Это и мастеровые, и инженерно-технические работники. Много и приезжих инженеров, геологов, других специалистов из Санкт-Петербурга, Москвы, Перми и Екатеринбурга.

Турьинские Рудники по уровню жизни и по уровню производства были привлекательнее, нежели административный центр Богословского горного округа – поселок Богословский Завод. В Турьинских Рудниках в середине XIX века проживало около 10 тысяч человек, а в Богословском Заводе – втрое меньше. Для сравнения: даже в уездном городе Верхотурье в те времена насчитывалось лишь семь тысяч жителей.

Еще одна причина притягательности Турьинских Рудников – та, что ныне зовется экологической. Всякий приехавший в Богословский Завод обращал внимание на то, как почернели деревянные и каменные строения под действием сернистых газов, выделявшихся при выплавке меди. А в расположенных на 16 километров дальше к

востоку Турьинских Рудниках картина совсем другая: воздух чист, дома не закопчены, много леса, лугов, грядки с морковью, капустой, горохом и прочей огородной зеленью, прижившейся на суровой уральской земле. Да и подковой огибающая селение река Турья служила естественным природным барьером от промышленных газовых выбросов.

Правда, для по-настоящему комфортной жизни как Турьинские Рудники, так и Богословский горный округ в целом мало подходили: были на Урале места и получше, повольготнее. Основная проблема округа – продовольственная. Конечно же, местные жители разводили огороды, но урожаи были весьма скромными. Так что продукты питания, и, в первую очередь, хлеб, были привозными – с Ирбита и Верхотурья и считались весьма дорогими по местным меркам.

Зато богаты были недра Богословского горного округа. Добывали здесь железо и медь, золото и платину. Били из земли целебные сернисто-щелочные ключи. А вблизи речки Еловки был устроен самый настоящий курорт, где могли поправлять здоровье до полусотни человек одновременно.

Но вернемся к тому, чем не без оснований гордилось в те годы высшее общество Турьинских Рудников: здесь сложился круг лиц, которые общались в свободное от службы время и образовали этаким вольный интеллектуально-технический клуб. Неформальным лидером его становится Николай Куксинский – человек энциклопедически образованный, прекрасно воспитанный и обладающий незаурядным чувством юмора.

В силу своего положения, а также благодаря открытому характеру и живому, пронизательному уму отец Стефан в этом обществе – свой человек.

Прибыв на Северный Урал, в один из самых крайних приходов, он привез с собой много книг – как духовных, так и светских. Кроме того, батюшка выписывает светские газеты: его жизненный кругозор явно не ограничивается сугубо церковным мировосприятием. Протоирей Стефан Попов активно участвует в общественной жизни поселка, неоднократно избирается депутатом по судебным делам, и эта его деятельность на благо общества уже отмечена несколькими наградами государства и Православной Церкви¹.

Нередко собрания в форме вечерних бесед проходят в доме Поповых. Современники вспоминают: присутствие на таких собраниях священнослужителей предполагало обсуждение не только светских, но и религиозных тем, волновавших общество тех лет. Неизменными участниками этих бесед были дети местных священников, в том числе и Сашура Попов: он здесь постоянный и незаметный слушатель.

Уральский поселок.
Начало XX века

¹ В. А. Сутырин, О. С. Лобанова, «Еще неслышим глас продленный...». Екатеринбург, 2004.

Из семейного альбома

З. да.
в архив.

Екатерина Степановна
Попова-Словцова
(1852–1908 гг.)

Мария Степановна
Попова-Левитская
(1854–1873 гг.)

Анна Степановна
Попова-Ижевская
(1860–1930 гг.)

*Поселок Турьинские Рудники.
Начало XX века*

Почему же его отец, как духовное лицо, не препятствует этому? Неужто готовит сына к карьере инженера? Вряд ли. Просто, как умный, современно мыслящий человек, Степан Петрович хотел, чтобы его сын получил хорошее образование. Батюшка понимает: такие вечерние беседы для его Алексаши, еще не умеющего читать и писать, – незаменимый (да и единственный в условиях их поселка) источник информации, прежде всего, о технических новшествах. Да и потом, как иначе привить сыну тягу к образованию, разбудить в нем творческое начало?! Точно так же считала и его жена Анна Степановна, женщина энергичная, волевая и даже властная, но в то же время необыкновенно нежная и добрая.

Отец Стефан очень внимательно относился к вопросам образования, был законоучителем в Турьинской горной школе и почти десять лет безвозмездно содержал в своем доме бесплатную школу для девочек: начальное образование здесь получали ежегодно до 25-ти учениц. И это была одна из первых в России школ такого типа.

По свидетельству современников, такое усердие отца Стефана многие тогда воспринимали как блажь: зачем женщине образование, если ее кругозор должен ограничиваться семьей и домом? Особенно в провинции. Но поскольку отец Стефан Попов был в Турьинских Рудниках человеком уважаемым, к его идее отнеслись снисходительно. Денег на школу для девочек не выделили, но Пермская духовная консистория заниматься просвещением отроковиц добровольно и бескорыстно не запрещала. Как говорится, и на том спасибо¹.

¹ Г. Воронов, Г. Каета «В начале жизни». Журнал «Урал». Свердловск, 1984 год.

Из семейного альбома

*Л. да.
в архив.*

**Августа Степановна
Попова-Капустина
(1864–1941 гг.)**

**Справа – Капитолина
Степановна Попова-Диева
(1870–1941 гг.)**

Разделяли ли такое бескорыстное служение делу образования члены семьи батюшки Стефана? Безусловно. Также безвозмездно преподавала в домашней школе и матушка Анна: шитье, рукоделие, ведение домашнего хозяйства – словом, все те предметы, что ныне можно назвать домоводством. А чтению девочек учили, пока жили в родительском доме, старшие дети Поповых – Рафаил, Екатерина и Мария. Именно так понимали и исполняли свой долг бескорыстного служения людям в семье первого настоятеля Максимовской церкви протоиерея Стефана Попова¹.

НА ПОЧВЕ ВЫСОКОЙ ДУХОВНОСТИ

...Все семь окон фасада одноэтажного тесового дома Поповых глядят на улицу Катущечную. Устремляясь под уклон с востока на запад, она упирается в самый берег спокойно разлившейся реки Турьи. Улица не случайно названа именно так: раскатанная зимой до зеркального блеска, она лихо несет сорванцов прямо до синющего речного льда.

Снегириный румянец во всю щеку, заиндеветшие ресницы, озябшие, согреваемые жарким дыханием пальцы и, конечно же, веселый хохот! В ватаге юных турьинцев – Сашура, как ласково называют мальчика в семье Поповых, и обе его младшие сестры – Анечка и Августа. Младшая – Авгочка – совсем еще крохотуля, закутана в одежды так, что только счастливые глазенки видны, но от старших не отстает, катится колобком, таща за собой салазки.

Саша, конечно же, помнит матушкину просьбу опекать сестер, помогать, следить, чтобы одежда была застегнута и девчонки снег в рот не тащили. Потому чувствует он себя уже совсем взрослым человеком, на которого можно положиться. Да и то правда – что с них взять, с этих девчонок, если даже с малой горки съезжать трусят. Вон как визжат, когда катятся! А чего бояться-то: если даже и свалишься в снег, то больно не будет, такой он пушистый, мягкий, что матушкина перина. Даже вставать не хочется!

Как было бы здорово, если бы тут же вместе с Сашей несли по катушке Рафаил, его старший брат. Но он сейчас далеко, в губернской Перми, учится на священника, как когда-то и их батюшка.

Сашура скучает по брату, с Рафой всегда было интересно. Тот рассказывал ему удивительные истории и учил многим полезным вещам.

Когда они ходили в лес за грибами, Рафа говорил, как надо себя вести, если ты вдруг заблудился. Главное – не плакать, а лучше посмотреть на стволы деревьев: с той стороны, где на них растет мох, находится север. И если ты помнишь, в какую сторону светит солнце, когда ты дома, то выбраться из лесу не так уж и трудно, вот!

Еще от Рафаила узнал Сашура про удивительных животных – слонов. Это такие трудолюбивые великаны с длинным хоботом. Они немного напоминают мамонтов, о которых тоже рассказывал Ра-

¹ Сборник «Александр Степанович Попов в характеристиках и воспоминаниях современников». М. – Л., 1958 год.

файл. Правда, мамонты давно уже вымерли, а увидеть слонов можно только на картинках, потому что живут они в теплых странах и уральские трескучие морозы их погубят.

Зато ему, Сашуре, снег и мороз в радость! А где младшие сестрички? Не замерзли?

Он оглядывается вокруг и видит такую картину: на Авгочку налетел какой-то мальчишка и сшиб ее в снег, та барахтается в сугробе и встать не может – слишком много на ней одежек. Саша ставит сестренку-куколку на ноги и чуть не падает в снег сам. От смеха: ну прямо-таки маленький снеговичок, морковки только на румянном личике не хватает! Саша отряхивает девочку от снега и слышит, как знакомые мальчишки зовут его: айда с нами, скатимся до Турьи! Но он в ответ лишь отрицательно качает головой: за сестренками смотреть надо, матушка велела.

Эх, были бы здесь его старшие сестры Катя и Маша, тогда другое дело: им можно доверить младших. Но они уже совсем взрослые и не будут кататься на санках и возиться в снегу с ребятней. Так что приходится Саше самому быть за взрослого. Ну да не беда – ему и так весело.

– А ну, поберегись, – кричит Сашура и с разбегу падает животом на санки. В лицо сыплется снежная пыль, свистит в ушах ветер, а из груди вылетает вопль восторга: «Уррраааа!»

*Верх-Исетский завод
в Верхотурье.
Начало XX века*

Уже смеркалось, когда дети, набегавшись, возвращались домой. Возле дома увидели знакомую фигуру: это отец Стефан пошел в церковь на вечернюю службу, приостановился, издали услышав родные детские голоса.

– Ну что, нагулялись? Ишь, какие краснощекие, – отец ласково потрепал Авгочку по щеке. – Бегите домой, снегири, матушка уж ждалась вас. Да не забудьте повторить сегодняшний урок Священной истории, вечером спрошу.

– Хорошо, батюшка, – за всех по праву старшинства ответил Сашура, и все трое наперегонки побежали к дому, стоящему недалеко от Максимовской церкви.

Каменный храм в поселке Турьинские Рудники, настоятелем которого служил протоирей Стефан Попов, был возведен благодаря казенному руководству округа, и сам государь Николай I «высочайше пожертвовал на сей храм» 20 тысяч рублей. Церковь освятили за четыре года до рождения Сашуры в честь святого Максимилиана Исповедника, хотя некоторые считают, что название свое она получила в память Максима Походяшина, основателя здешних рудников.

Церковь славилась замечательным иконостасом в пять ярусов работы итальянских живописцев. Его заказал для еще строящегося храма в самом Санкт-Петербурге тогдашний начальник Уральских горных заводов генерал В. А. Глинка, родственник знаменитого композитора Михаила Глинки.

В 1855 году священник Никольской церкви с. Пихтовское Оханского уезда Стефан Попов был назначен настоятелем Максимовской церкви села Турьинские Рудники Богословского округа Верхотурского уезда Пермской губернии. Тем самым было предопределено место рождения будущего изобретателя радиосвязи.

Александр Степанович Попов – выходец из старинного на Урале священнического рода. Некоторые исследователи полагают, что он насчитывает до десяти поколений священников, служивших в пределах Тобольской и Вятской митрополий, а затем и в Пермской епархии¹. Однако имеющиеся документы позволяют нам проследить родословную выдающегося русского ученого по линии отца только до пятого колена.

Основная ветвь Поповых начинается со священника Петра Попова, служившего в XVIII веке в Кунгурском уезде Пермского наместничества. Его сын (прадед А. С. Попова) – священник Николай Петрович Попов – служил в одном из храмов Кунгура. Дед – Петр Николаевич Попов (1785–1860 гг.) – был священником Спасо-Преображенского храма села Рождественское Кунгурского уезда (ныне село Сылвенское).

Отец изобретателя – протоирей Стефан Петрович Попов (1827–1897 гг.) – окончил Пермскую духовную семинарию по второму разряду и был рукоположен в сан священника в Никольской

¹ Г. Воронов, Г. Каета «В начале жизни». Журнал «Урал», 1984, №5. Свердловск.

*Верхнетурьинский
рудник. Начало
XX века*

*Естественное озеро на
месте старого рудника
в окрестностях
Краснотурьинска.
Начало XXI века*

церкви села Пихтовское Оханского уезда. Награжден бронзовым наперсным крестом в память о войне 1853–1856 годов, золотым наперсным крестом из кабинета Святейшего Синода. Многократно избирался депутатом по судебным делам.

Дядя А. С. Попова – протоиерей Павел Степанович Попов (1814–1884 гг.) – и двоюродный брат А. С. Попова – священник Николай Павлович Попов (1843 – после 1900 гг.) – служили в Кунгуре и

уезде. Сын последнего – Николай Николаевич Попов, 1868 г. р., служил регентом народного хора Чердыни, другой сын – Иван Николаевич Попов, 1874 г. р., служил псаломщиком при храме кунгурской богадельни¹.

И что поразительно: представители этого рода пронесли через века не только профессиональную наследственность, но и соответствующую ей – «говорящую» – фамилию. И не только по отцовской линии изобретателя: его мама Анна Степановна в девичестве носила фамилию Пономарева.

Родословная А. С. Попова по материнской ли-

нии такова: его прадед – протоиерей Иван Гаврилович Пономарев (1767–? гг.) – служил настоятелем Свято-Никольской церкви в селе Шогриш Ирбитского уезда Пермской губернии. Известно, что всю свою жизнь он посвятил строительству каменного храма в этом селе.

В 1795 году в его семье родился сын – Стефан Иванович Пономарев, дед А. С. Попова. В 13-летнем возрасте, в 1808 году, Стефан был посвящен в стихарь и оставлен на должности псаломщика. Овдовев, женился вторично, за что епархиальной властью ссылался на покаяние в Верхотурский Свято-Николаевский мужской монастырь. Он служил в Никольском храме до 1858 года, после чего был выведен за штат. Седьмым ребенком в его большой семье была мать изобретателя – Анна Стефановна Пономарева (1830–1903 гг.), супруга священника Стефана Петровича Попова.

Два дяди А. С. Попова по материнской линии – Иван Стефанович и Петр Стефанович Пономаревы – служили псаломщиками в Никольской церкви села Шогриш. Другие два окончили Пермскую

Дом Поповых.
На заднем
плане – церковь
Св. Максимилиана
Исповедника

¹ По материалам исследований протоиерея Алексия Марченко, заведующего кафедрой теологии Пермского государственного университета, доктора исторических наук.

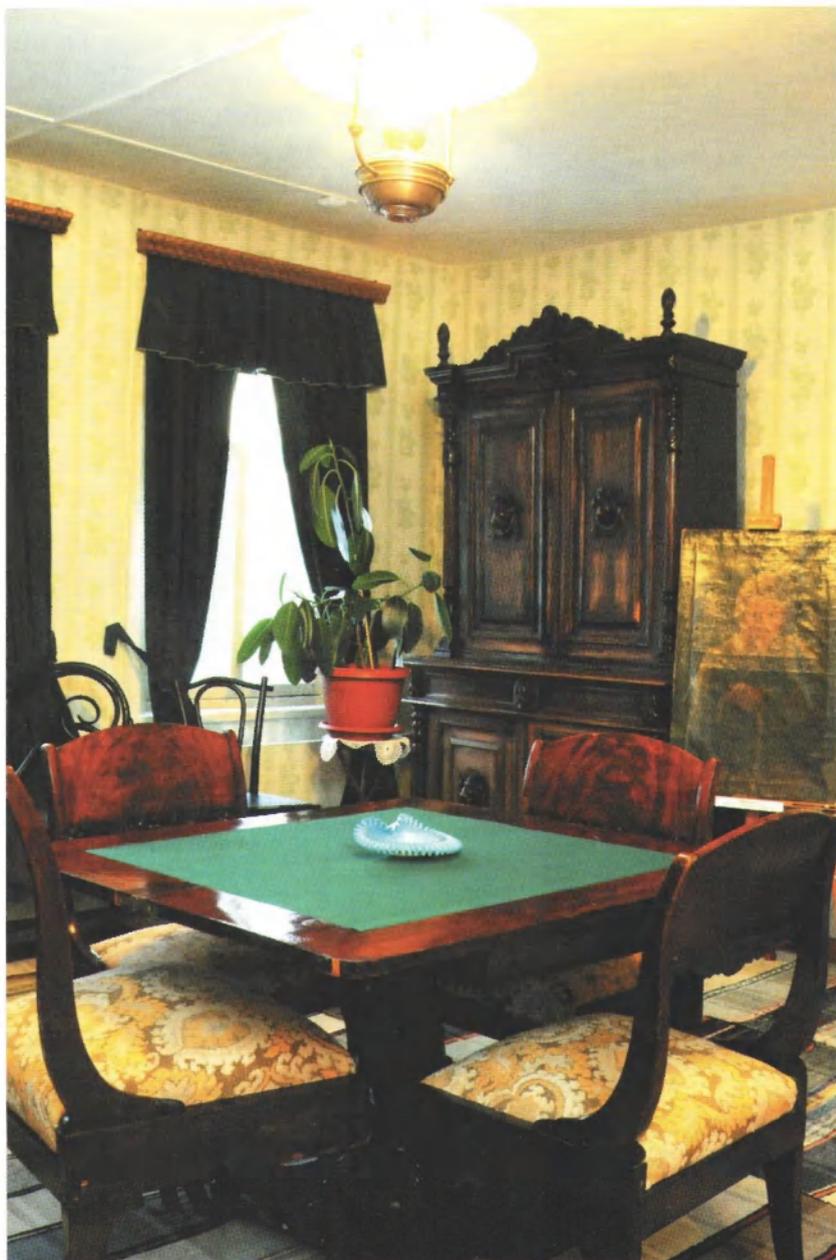
духовную семинарию и стали священниками: Яков Стефанович Пономарев, 1815 г. р., служил в церкви города Алапаевска, а Михаил Степанович Пономарев, 1827 г. р., священствовал в церкви села Скородум¹.

В селе Пихтовском Оханского уезда, скорее всего, и произошла встреча и последующая свадьба выпускника Пермской Духовной Семинарии Степана Попова и Анны Пономаревой.

Степан Попов должен был быть женатым человеком, чтобы занять вакантное место священника. Ему следовало срочно жениться. Поэтому он обратился к свахе, которая и посоветовала ему дочь дьякона на выданье – Анну. Будучи человеком смелым, отважным, Степан обещал невесте свое уважение и служить ей всю свою жизнь. А в доказательство того, что ничто не в силах нарушить его слов, свадьбу назначил через неделю, на самый несчастливый день – 13 мая 1847 г.²

Здесь у них появились на свет Рафаил, Екатерина и Мария. А 4 (16 по новому стилю) марта 1859-го, через четыре года после назначения отца Степана настоятелем Максимовской церкви и переезда его семьи в Турьинские Рудники, родился еще один сын – Александр.

Трудовые навыки, доброта, сострадание, любовь к ближнему, духовная щедрость – все, что было присуще Александру Степановичу Попову и делало его не просто изобретателем, но человеком высокой нравственной культуры, было передано ему вместе с генами предыдущих поколений Поповых, развито и приумножено семейным воспитанием.

*Гостиния Поповых.
Современная
реконструкция*

¹ А. Брылин «Следы ведут в Шогриш». К родословной А. С. Попова. Журнал «Уральский следопыт», №№ 8–9, 1997 год. Екатеринбург.

² С официального сайта Надежды Андреевой, правнучки А. С. Попова.

*Церковь
Св. Максимилиана
Исповедника.
XXI век*

Многодетная семья настоятеля небольшого храма в Турьинских Рудниках (из 14-ти родившихся у Степана Петровича и Анны Степановны детей выжили семеро) жила, мягко говоря, небогато. На примере своих родителей, брата Рафаила и старших сестер Екатерины и Марии Саша каждый день видел, что такое жертвенное служение. Уклад, заведенный в семье, был прост: у старших учимся, младшим помогаем всем, чем можем.

Душевная сила родителей, их самоотверженная любовь, сама атмосфера дома Поповых привили Сашуре жизненные принципы, которые позже явили миру великого ученого и великого человека. Как в уральской заводской печи, выплавили особый сорт стали – уральский характер.

«В «МАШИНОСТРОИТЕЛЬСТВЕ» БЫЛ БОЛЬШОЙ ИСКУСНИК»

... Небольшой ручеек, протекающий за родительским домом, давно привлекает внимание юного умельца.

– Смотри, Саша, – говорит он своему другу Дерябину, – ну разве это не настоящая речка?

Друг отходит чуть дальше, прищуривается, по-взрослому смотрит в «подзорную трубу», сделанную его сомкнутыми ладонями. И с трудом сдерживая смех, важно говорит:

– Вы правы, господин инженер! Это – настоящая река, и она должна на нас как следует потрудиться.

– А раз так, давай сначала потрудимся мы: сделаем запруду! – и Саша торжественно, словно маршальский жезл, вручает другу лопатку.

– Ну, вот так всегда! – притворно сокрушается тот. – Как головой работать, чертежи рисовать – так это ты. А землю ворочать – значит, я?

– Хорошо, – соглашается попович, – давай вместе. Можно еще ребятню кликнуть, – и он кивает на группку чумазных поселковых детишек, что поодаль с любопытством наблюдают, а чем это таким интересным заняты ребята постарше?

– Эй, мальцы! – машет маленьким зрителям Саша-второй. – Айда к нам! Помогать будете?

С радостным визгом, отталкивая друг дружку, несется детвора к новоявленным «работодателям»! Оба Саша вполне серьезно распределяют роли в этой новой и увлекательной для детишек игре – и работа начинается.

Вскоре уже построена запруда. Падающая с плотиинки вода крутит установленную систему колес, от которых расходятся приводные ремни: все это Сашура сделал заранее – в мастерской Василия Петровича. И вот уже подъемные механизмы поднимают из земляных колодцев ведерки с землей, а насосы откачивают воду.

*Василий Петрович
Словцов. Муж
Екатерины – старшей
сестры А.С. Попова*

Все последующие дни, почти до конца лета, на эту действующую модель рудника прибегали посмотреть поселковые ребяташки.

А Сашуру уже увлекла другая забава. Вот уже несколько дней он с друзьями мастерит воздушных змеев. У каждого – своя конструкция, своя раскраска и, конечно, свое название. Они договорились: в воскресенье, после обеда, когда взрослые будут отдыхать, все местные конструкторы воздухолетов соберутся на окраине поселка, на взгорье возле Турьи. И там будет проведено соревнование. Тот, чей змей поднимется выше и улетит дальше, и будет объявлен победителем.

Клеить змея – дело нехитрое, это уже и бесштаные пацаны умеют. А вот сделать так, чтобы он взлетел выше всех – надо придумать какую-то хитрость. Главное ведь тут что? Чтобы ничего ему не мешало поймать воздушный поток. А там уже можно и громкую трещотку приделать – для устрашения противника.

Вот что вспоминал спустя годы об увлечениях Сашуры Попова ставший впоследствии известным доктором и первым пациентом его рентген-кабинета А. П. Дерябин: «Любимым его занятием, в котором и я принимал участие в качестве ассистента, была постройка разного рода двигателей, устроенных большей частью при помощи текущей воды. Нами сооружались на ручьях мельницы с двигающимися колесами, «толчеи» – ряд прыгающих столбиков, подъемные машины, ведерками вытаскивающие землю из «шахт», вырытых иногда на два-три аршина в глубину. Сооружались штанги – длинные горизонтальные двигающиеся брусья по образцу заводских и т. д. К такого рода сооружениям у него была большая склонность, и велико было для нас удовольствие, если дело удавалось и «машина» хорошо работала. И во всем этом «машиностроительстве» он был большой искусник».

Но было бы ошибкой представлять сегодня будущего изобретателя в те годы не по возрасту серьезным и исключительно углубленным в технику. Это не так: как и все дети, Саша обожает походы в лес за грибами и ягодами, с удовольствием рыбачит на удочку, восторженно слушает пение птиц в рощах. А как он дурачится, какие забавы придумывает!

Его сестры вспоминают про веселые скачки по партам пустовавшей летом отцовской школы для девочек, которые устраивал Сашура.

*Панорама
современного
Краснотурьинска*

А то, бывало, соорудит игрушечную повозку, усадит в нее сестриных кукол и впряжет в экипаж ленивого любимца семьи – толстого кота Матроса: хохот стоит тогда – до упаду!

Но все же главным увлечением Саши в детские годы становится именно техническое творчество. Копируя в своих детских забавах образцы горной техники, он рано проявляет интерес к электрическим приборам.

Сашура жадно впитывал даже мельчайшие крохи знаний об окружающей его технике. И не только местной. Огромную и благодарную роль в формировании у Александра навыков изобретательства, технического творчества сыграл уже знакомый нам Николай Иосифович Куксинский.

Управителю Турьинских медных рудников и золотых промыслов по делам службы часто приходилось ездить в далекий Петербург. Из столицы всегда привозилась какая-нибудь техническая новинка. Вечера в доме Куксинских, на которых хозяин делился своими петербургскими впечатлениями, были для младшего сына Поповых истинным праздником.

Кульминация наступала в тот момент, когда из дорожного чемодана извлекалась новая «столичная штучка», и Николай Иосифович начинал подробно рассказывать о ее назначении. Именно у Куксинских Саша впервые увидел швейную машинку и керосиновую лампу: в то время еще многие дома как в России, так и на Урале освещались простой лучиной.

Сама атмосфера тяжелого механизированного производства рудников способствовала пробуждению у Алексаши-поповича интереса к технической деятельности. Мальчик буквально пропал в механических мастерских, расспрашивал старших о принципах работы машин. Но больше всего любил ходить на шахту: благо рудник, где работают всамделишные машины, неподалеку. Как правило, в таких экскурсиях Сашу сопровождал Николай Иосифович, большой друг семьи Поповых. Видя, насколько интересно это Саше, инженер подробно рассказывал о каждом механизме, показывал, как он действует.

Поистине неизгладимое впечатление на подростка произвела впервые увиденная им паровая машина. Вот уж, действительно, огненная махина: так ее тогда называли. С помощью паровой машины в то время выкачивали из шахты грунтовые воды. А установил машину еще в 1808 году российский механик Иосиф Меджер. Именно

он за четыре года до этого построил и использовал на Юговском медном заводе, что под Пермью, первый в мире локомотив: в Англии подобные машины станут применять лишь через 20 лет.

Увиденные на производстве подъемные механизмы, насосы и прочее оборудование дали толчок его творческой фантазии. Именно поэтому он придумал воплотить в уменьшенном виде рудничные машины в действующие модели. Тогда и помог ему муж старшей сестры Екатерины – священник Василий Петрович Слобцов, помощник настоятеля Максимовской церкви. В его доме, расположенном напротив дома Поповых, была устроена мастерская, где Саша получил первые навыки столярного, слесарного и токарного ремесла, обращения с инструментами, о чем часто с благодарностью вспоминал, став ученым.

Но все это будет потом. А пока мы расстаемся с беззаботным детским периодом жизни Саши Попова. Впереди у него – годы учебы в других городах Урала.

*Музей А. С. Попова
(г. Краснотурьинск)*

Глава II

ДАЛМАТОВ

**Чтоб грамоте разумети
и душой укрепляше**

*Успенский собор
в Далматово.
Начало XX века*

НА ПОРОГЕ НОВОЙ ЖИЗНИ

Сашура проснулся рано. В комнате стоял плотный сумрак, слегка подсвеченный осторожно приближающимся рассветом. Путаясь острыми коленками в длинной ночной рубаше, мальчик подошел к окну.

Осень уже перешла в пору крепких утренних заморозков, но снега еще не было. На улице хмуро и неприглядно: покуда хватает глаз, видны домишки, почерневшие от времени и дождей, на фоне темно-серого неба едва заметны уже оголившиеся ветки деревьев, где-то одиноко лает собака.

Вот и кончилось лето. Землечерпалка, которую Сашура построил на ручейке за родительским домом, уже не собирает возле себя окрестную ребятню. Нет больше купания в Турье, шумного и веселого. И лес уже не манит изобилием грибов и ягод. Все чаще отец заводит разговор об учебе и скором отъезде сына из родительского дома. Все чаще мать, вздыхая, украдкой обнимает его за худенькие плечи, а за столом норовит положить кусочек повкуснее.

Вопрос решен. Девятилетнего Александра осенью непременно отправят к старшему брату, в далекий город Далматов. Рафаил Попов нынешним летом окончил Пермскую Духовную Семинарию и получил место учителя латинского языка в духовном училище при Успенском Далматовском монастыре. Недавно, на Рождество Пресвятой Богородицы пришло от него письмо, которое отец за обедом прочитал вслух для всей семьи. Рафаил сообщал, что уже благополучно устроился на новом месте, приступил к своим обязанностям и ждет Сашу к себе. При этом он очень рекомендует младшему Попову все-таки научиться грамоте.

Дались им эти буквы! Вот и отец все время журит Сашуру за то, что тот до сих пор не умеет складывать их в слова. Ну, что привязались с этой грамотой? Аз, буки, веди... Зачем учить эти непо-

нятные значки, которые все одинаковы, как муравьи в лесу? То ли дело разные механизмы в шахте на руднике! Живые машины и мертвые буквы – есть разница? Чует сердце – заставят его там все-таки учить эти буквы-муравьи!

«Подождем, когда установится санный путь, и найдем хорошую оказию», – так сказал отец.

Эх, подольше бы не выпал снег...

Александр Попов, великий физик, ученый и изобретатель, до девяти лет, действительно, не умел читать. По воспоминаниям священника Василия Словцова, мужа старшей сестры Сашуры, тот, имея живой ум и природную любознательность, проявляя внимание к техническим чудесам, был абсолютно равнодушен к сухим непонятным значкам, именуемым буквами. Интересуясь техникой, он решительно не хотел заниматься обычной грамотой. Однако уникальные способности мальчика позволили ему быстро восполнить этот пробел в своем развитии: когда пришло время, Саша овладел грамотой буквально в одночасье – за полтора месяца.

Поскольку в царской России не было закона об обязательном образовании, возраст первоклассников мог колебаться в пределах нескольких лет. В марте 1868 года Сашуре исполнилось девять, настало время постигать азы науки. Младшему сыну Поповых предстояло повторить путь Рафаила, тоже окончившего в свое время Духовное училище при Далматовском Успенском монастыре.

Решение отдать сына в духовное училище кажется, на первый взгляд, естественным для любого священника. Тем более для семьи, где как минимум пять поколений были представителями духовного сословия¹. Однако в случае с Сашей Поповым все было не так просто.

Отец Стефан, будучи от природы талантливый педагогом, безусловно, по-

¹ Некоторые исследователи считают, что род Поповых насчитывает до десяти поколений священников, служивших в пределах Тобольской и Вятской митрополий, а затем и Пермской епархии. Но имеющиеся документы позволяют проследить родословную выдающегося русского ученого по линии отца только до пятого колена.

нимал, что нельзя не учитывать наклонности ребенка, что необходимо их развивать. Наверное, он мог бы отдать младшего сына в горную школу, но туда детей священников не принимали. К тому же отец Стефан преподавал там Закон Божий и мог объективно оценить уровень тамошнего образования и царившую в школе атмосферу. Учеба же в гимназии Екатеринбурга, например, была Поповым не по средствам: 35 рублей¹, получаемых отцом Стефаном ежемесячно, едва хватало на пропитание большой семьи. А ведь, кроме платы за обучение, пришлось бы нести расходы на жилье, еду и одежду, не говоря уже о покупке карандашей, перьев, чернил, тетрадок и учебников.

Поэтому для Саши оставался один путь — в духовное училище. Там дети священников обучались бесплатно. Предполагая дальнейшую деятельность выпускников на духовном поприще, церковные власти полностью брали на себя расходы на обучение и содержание учеников. Способные поповичи могли продолжить учебу в духовной семинарии, а в случае высокой успеваемости — и в духовной академии, получая, таким образом, высшее богословское образование.

К тому же учеба детей священнослужителей в церковных учебных заведениях поощрялась епархиальным начальством. Архиепископ Пермский и Верхотурский Иустин (Вишневский) еще в первой трети XIX века благословил «священно-церковнослужителям Екатеринбургского, Шадринского, Камышловского и Прибытского уездов вести своих детей в Далматовский монастырь, где их в чтении, пении и рукописи экзаменовать». Распоряжение архиепископа подлежало неукоснительному исполнению.

Так уж сложилось, что распоряжение епископа по определению места учебы детей священнослужителей счастливо совпало с житейскими обстоятельствами Поповых. Родителей устраивали и относительная близость к дому далматовской бурсы, и более низ-

*Рафаил Степанович Попов
(1849–1912 гг.)*

кие, чем в губернских и уездных городах, расходы на обучение. И дешевизна тамошних продуктов. Но главным все же было то, что Саша в Далматовском духовном училище будет находиться под постоянным присмотром брата, который в случае чего и приструнит и поддержит.

ЕСЛИ ЕХАТЬ ВАМ СЛУЧИТСЯ...

Снег выпал на преподобного Сергия¹. Проснулись утром, а вокруг тишина стоит необыкновенная и светло.

– Вот, сынок, и озимье пришло, вишь присыпало как землю-матушку, не дожидаясь Покрова дня, – говорит мать, подавая Сашуре полотенце. – Считаю, через шесть недель, на Михайлов день, Бог даст, и санный путь установится, торговый люд в путь двинется. И тебе с ними... Вырос ты, сокол мой, скоро лететь из отчего дома в большой мир!

Она потрепала мальчишку по белесым вихрам, провела мягкой ладонью по худенькой спине, вздохнула: какой там «вырос», совсем еще дитя. Что его ждет в бурсе? Рафаил как-то сказывал, что порядки там шибко строгие. Розги, конечно, в постоянном обиходе, и «на горох» попасть можно. А как еще с однокашниками поладит?..

«Ну да Господь милостив, как-нибудь все устроится, – успокаивает она саму себя. – Характер у Сашуры хороший, незлобивый. независтливый. Мальчонка смысленый, послушный. И не один ведь там будет, все-таки под доглядом старшего брата. Слава Богу. похоже все хорошо устраивается».

– Спаси и сохрани, Господи, – Анна Степановна троекратно перекрестилась на красный угол, украдкой смахнула со щеки слезинку, а чтобы не заметил кто, платок на голове поправила.

– Давай-ка, сбегай, воды принеси, – попросила она сына. – Сейчас самовар закипит, завтракать будем.

Саша кивнул, степенно (взрослый ведь!) прошел к дверям, неторопливо накинул на плечи легкий кожушок, надел сапоги и, захватив с лавки ведро, вышел во двор. В глаза ударило белизной, в нос – морозной свежестью. Холода он не ощутил: по сравнению со вчерашним утром, кажется, даже теплее стало.

То и дело оскальзываясь на узкой тропинке, Саша перебежал через двор и бросил в колодец привязанное веревкой ведро. Снизу раздался всплеск, веревка натянулась под тяжестью наполненного ведра. Саша ребром ладони легонько стукнул по ней, от чего та тихонько загудела. Постучал сильнее, гул стал отчетливее. Тогда он поднял валяющийся поблизости железный прут, непонятно за какой надобностью оказавшийся на поповском дворе, и уже со всей силы стукнул по веревке. Внизу заплескалась вода, а по всему колодцу, усиленный метровыми сводами, пошел отчетливый и тревожный гул.

¹ День памяти преподобного Сергия Радонежского: конец сентября – начало октября.

«Надо же, веревка умеет звуки издавать! – изумился Сашура и стал крутить ручку, наматывая на ворот эту музыкальную веревку, пока наполненное водой ведро не появилось на поверхности. – Вот интересно – почему?»

От Турьинских Рудников до Далматова путь неблизкий, почти 600 верст (около 640 км). Сегодня, чтобы добраться из Краснотурьинска (в прошлом – Турьинских Рудников) до Екатеринбурга, нужно ехать ночь поездом или часов шесть-семь на автобусе по отличному шоссе. Затем на электричке с пересадками или на попутном пассажирском поезде – еще часа четыре до самого Далматова. Представляете, сколько времени требовалось на это в 60–70-х годах XIX века?

Отправить девятилетнего ребенка в такой путь, да еще одного, пусть с надежными, но все же чужими людьми, – затея для сильных духом родителей. Либо для истинно верующих. Ибо «не упадет и волос с головы человека без Божьей воли».

Поскольку железные дороги на Урале появились позже, путешествовать оставалось только на лошадях. И это превращалось в настоящее событие. В зависимости от времени года использовали разные экипажи: летом – кибитки, брички, коляски. Зимой ездили в санях и возках¹.

Пользовались в основном перекладными – казенными лошадьми, которых путник менял на почтовых станциях. В коляски (брички, сани) запрягали свежих, отдохнувших и сытых лошадей, и склонные к перемене мест россияне продолжали свой путь.

Несмотря на состояние дорог – а оно было намного хуже нынешнего, – ездили по российским просторам относительно быстро. Помните, у Гоголя: «Какой же русский не любит быстрой езды?» Так вот это никакое не преувеличение и не художественный вымысел. Искусство русских ямщиков было настолько высоко, что скорость транспорта поражала и даже пугала иностранцев. «Русские ямщики везут крайне быстро, почти все время лошади несутся вскачь... постоянно рискуешь сломать экипаж и опрокинуться,

Постоялый двор. Конец XIX века

¹ Служба с кузовом наподобие кареты

и приходится угрожать им для того, чтобы заставить ехать медленнее». Так записал в своем дневнике некий путешественник по Руси в поисках лучшей доли учитель-француз.

Между тем правила дорожного движения существовали уже в те времена. Например, было тщательно прописано, сколько верст за час ямщики могли делать, везя «обыкновенных проезжающих». Так, в осеннее время полагалось двигаться со скоростью восемь верст в час, в летнее – десять, а в зимнее, по санному пути, – все двенадцать. Правда, эти правила не распространялись на курьеров и фельдъегерей, которые «имеют быть воззвышены столь поспешно, сколь сие будет возможно».

Сашу Попова родители отправляют в путь не на казенной тройке, которая, если договоришься с ямщиком, промчит даже 200 верст за день¹. Снаряжают его с оказией – попутным купеческим обозом, в котором несколько повозок, так называемых «долгуш». В одних – товар, в других – корм лошадям, в третьих – всякая всячина, которая может потребоваться путешественнику в дороге. Громоздкие, но комфортабельные дорожные кареты вмещают буквально все.

В путь такие «поезда» готовятся основательно: не бывает в дороге мелочей, когда на долгие дни странствия кругом только поля, горы да леса. Тут и волка учти, и лихого человека, на каждую поломку запас предусмотреть. Ну а уж про теплые зипуны да длиннополые дохи и говорить нечего, без них никуда. Вдруг как посреди пути заночевать придется вдали от постоялого двора? Всяко, всяко в дороге бывает...

Вот в одном из таких обозов, направлявшихся на традиционный Никольский торжок, который начинался ежегодно 6 декабря, нашлось местечко маленькому Сашуре, хрупкому и тельцем, и возрастом. В нехитрых его пожитках – пара белья, смена теплых чулок, праздничный сюртучок, новенькие смазанные дегтем сапоги, семейное письмо к брату Рафаилу да иконка Николая Чудотворца, покровителя путешественников.

В ЧУЖОЙ МОНАСТЫРЬ СО СВОИМ БРАТОМ

Ярмарка! Ярмарка! Призывные крики зазывал, речитатив продавцов, расхваливающих свой товар, звон колокольчиков на каруселях. Общий гомон ярмарочной толпы перекрывает пронзительный визг поросят и истеричное кудахтанье кур, приговоренных к закланью. Широкая центральная улица загромождена подводами,

¹ Элиза Куйф «Как путешествовали в старину». Журнал «Вокруг света», 20 января 2008.

наполненными товаром. Люди с трудом пробираются между ними, опасаясь копыт фыркающих лошадей, придерживая в загашнике – поближе к сердцу – заветную тряпицу с деньгами, оберегаясь от шныряющих пройдох воровского вида. Снег, взбитый лошадиными копытами, тысячами человеческих ног, смешался с землей, напоминая остывшую в печке золу.

Сашура изумленно оглядывает это людское сборище. Он впервые слышит такое разнообразие голосов, видит такое огромное количество народа, а главное – столько невероятного, не поддающегося описанию съестного и мануфактурного, скорняжного богатства, изобилия и даже – неужели? – излишества.

Мальчишка идет меж рядов, крепко держа за руку Рафаила: наконец-то, после долгого и трудного пути в чужом обозе родной человек рядом, старший брат!

Вдоль всей улицы – от Николаевской церкви до северо-восточной башни монастыря – белеют свежеструганными досками новые торговые ряды и прилавки. Широко открыты двери в склады, подвалы и купеческие лавки: там тоже идет торг. Вот слева на прилавке разложены косы, мотыги, серпы и прочий сельскохозяйственный инструмент, справа – конская сбруя, упряжь. У прилавков – много мужчин, громкие голоса. Нет-нет, да обожжет ухо юного поповича крепкое словцо, пущенное «для лучшего понятия» то ли покупателем, то ли продавцом.

Прошли чуть дальше – тут товар другой. Разложены ткани крашенные и беленые, рукотеры с узорами великого множества, скатерти, убрусы, платки, покрывальники. У здешних прилавков – бабы да девки, щеки раскраснелись, глаза горят при виде такого богатства. А купить-то как хочется!

– Вот бы мне такой платочек лазоревый! – просительно смотрит на мать красавица девица. – Он мне к лицу, правда, маменька? – спрашивает она, а сама косится на молодого парня, ведущего за руку мальчишку в больших, не по размеру валенках.

Потянуло съестным, значит, приближается калашный ряд. Ох, как хочется есть! Вот уж искушение, так искушение. Тут тебе калачи да пышки, разных сортов пряники да сдобные шаньги. Торговцы квасом черпают его прямо из ведер кружками, сбитенчики дразнят горячим, пахнущим медом напитком. А сколько всяких вкусовностей на лотке у разносчика сластей!

– Что, Сашура, небось, пряничка хочешь? – улыбается Рафаил.

– А можно? – боясь поверить счастью, спрашивает мальчик.

– Сегодня можно. Потом-то пост, до самого Рождества не разговеешься. К тому же у нас с тобой сразу несколько хороших поводов по прянику съесть. Перво-наперво потому, что ты благополучно доехал. Второй повод – наша встреча. А еще потому, что с этого дня начинаешь новую жизнь. Будет она интересной и веселой или трудной и скучной – только от тебя зависит. Я, брат, верно говорю.

В те времена, о которых ведем речь, Далматов на весь Урал и Зауралье славился двумя достопримечательностями, одна из которых та самая Никольская ярмарка. На время ее проведения население города прирастало на несколько сотен человек. Со всех окрестных городов, сел и деревень съезжались сюда люди: кто товар продать, кто чего-нибудь купить. Главную улицу города (тогда ее именовали «Большая дорога» или «Исетский тракт») полностью занимали прилавки, лотки и балаганы. Специально для ярмарки строились временные ночлежные места и постоянные дворы, харчевни и питейные заведения, сооружался помост для выступления ярмарочных артистов. Монастырь имел свои лавки, где продавали свое рукоделие: сукно, тканые и резные изделия, плетение, вышивку, посуду.

Месторасположение города было очень благоприятным, если иметь в виду использование здешних природных богатств. Сам монастырь, вокруг которого и образовалось в свое время поселение, разместился на левом – высоком – берегу реки Исети, изобилующей рыбой. Плодородные земли, по уральским меркам, позволяли собирать богатые урожаи овощей. Далматовские огурцы были известны далеко за пределами уезда: они отлично солились и мариновались, долго хранились и хорошо переносили дорогу. Их вывозилось из города за один сезон до 10 тысяч пудов (160 тонн).

Город, считавшийся уездным (в 1781–1797 годы), фактически был селом. В каждом доме, независимо от основного занятия хозяев, держали скотину. Это способствовало широкому развитию многих

Ярмарка. Вторая половина XIX века

промыслов: кожевенного, маслодельного, салотопенного, ткацкого, пимокатного и других.

С далматовской ярмарки везли мясо – «скотское» и баранье; рыбу – осетрину, стерлядь, нельму; коровье масло, ржаную и пшеничную муку; воск, хмель; бревна и готовые срубы; скотину и домашнюю птицу; кожаные и тканые изделия. Хозяйственная деятельность населения Далматово и окрестных деревень позволяла обеспечить потребности в хлебе не только местных жителей, воинских частей края, но и населения многих горных заводов Урала и даже Сибири.

Вторая достопримечательность (а по значимости, скорее, первая), принесшая известность городу, куда приехал юный Александр Попов, – это, конечно, сам Далматовский Успенский монастырь.

Основал его в XVI веке старец – пустынный Далмат, в миру Дмитрий Иванович Мокринский, тобольский дворянин и потомственный казак. С 1644 года высится монастырь крепостью на утесе Белого городища, на месте впадения в Исеть речки Течь.

Как и большинство российских монастырей, он выполнял, кроме основной функции, еще и оборонительную. Крепость защищала рубежи продвигавшейся на юго-восток Руси от кочевых племен – башкир, калмыков, киргизов. Монастырь не раз сжигали дотла, пока в 1713–24 гг. не были возведены каменные стены с двумя высокими башнями.

Неприступная крепость многое выдержала за свою долгую историю. В 1762 году в Зауралье произошло крестьянское восстание, вошедшее в историю России под названием «Дубинщина». Восставшие осадили Далматовский монастырь, полностью отрезав его от внешнего мира. Лишь через полгода правительственные войска сняли осаду. В середине февраля 1774 года к стенам, за которыми укрылось всего четыре сотни защитников, подошло трехтысячное войско пугачевцев. Началась двадцатидневная осада монастыря. Бунтовщики пытались взять его штурмом, однако получили ожесточенный отпор.

К середине XVIII века Далматовский монастырь становится духовным и культурным центром Зауралья и Южного Урала. В 1748 году в Далматовском монастыре начинается возведение кирпичного Христорождественского собора, который и сегодня называют духовной жемчужиной Урала. Среди особых ценностей монастыря – чудотворная храмовая икона Успения Божией Матери, известная на всю Россию.

Но обо всем этом еще предстоит узнать Сашуре. А пока он вместе с братом идет пешком по гладкой, хорошо укатанной санными повозками дороге и жует вкуснейший в мире пряник.

ДОБРАЛИСЬ ДО ПОДНОЖИЯ ЗНАНИЙ

Первые дни пребывания в чужой обстановке, среди незнакомых людей, других порядков и непривычных обязанностей оказались для Сашуры неожиданно трудными.

*Далматовский
Успенский монастырь
Пермской губернии*

– Новичок! Новичок! Братцы, новичок! – услышал он, едва они с Рафаилом зашли в ворота монастыря.

Несколько мальчишек, лет одиннадцати, игравших в камушки возле длинного приземистого здания, прекратили свое занятие и во все глаза уставились на Сашуру. Известие об еще одном новеньком, появившемся в бурсе, когда занятия уже начались и все поступившие в этом году на низшее отделение успели меж собой перезнакомиться, вызвало интерес. Небольшая поначалу толпа, окружившая отца Рафаила и его младшего брата, быстро росла. Подтянулись старшие ученики и с любопытством разглядывали новичка. Несколько молодых монахов-послушников, коловших поодаль березовые поленья, тоже решили сделать перерыв и стали прислушиваться к усиливавшемуся гомону бурсаков.

В стайке первогодков, чувствовавших себя немного настороженно среди старших учеников, а потому пытавшихся держаться вместе, переговаривались так громко, что обидные реплики были слышны и Саше.

– Смотри, смотри, какой он красный! Может, больной?

– Ой, братцы, а тощ-то до чего!

– Слабак, доходяга.

– Ага, даже мешок свой тащить не может! Отец Рафаил, видать, в нанятых у него – вещи его несет!

Раздалось сдавленное хихиканье.

– Тихо, дураки! Бают, родственники они. Вроде отец Рафаил ему брат...

– Плохо дело, значит, ябедничать станет!

– Может, и не станет...

Саша оглянулся на говоривших. Чернявый паренек примерно его лет, но пошире в плечах и повыше ростом, встретился взглядом с новичком и спросил напористо:

– Ну, говори, станешь ябедничать?

– Не стану, – с трудом ворочая пересохшим от волнения языком, ответил Сашура.

– Вот и хорошо, – улыбнулся парень и вдруг подмигнул ему сначала одним глазом, потом другим.

Прошло два месяца. Саша чувствовал себя в училище уже намного увереннее. Ранее безлика масса поповичей, дьяконских, дьячковских и пономарских детей, собранная в бурсе для совместного постижения наук, постепенно стала обретать для юного Попова конкретные очертания. Кто-то из них Саше нравился, а кто-то – нет. С кем-то можно было поговорить, пошутить, рассказать о доме и родных, оставшихся в Турьинских Рудниках. У кого-то можно было спросить, как правильно читается слово, и не бояться оказаться посмешищем.

Были, конечно, и те, от которых Сашура старался держаться подальше. Например, Николай, сын пономаря из небольшого прихода. Его все, даже учителя, называли не иначе как Колун.

Прозвище он получил после драки, которую сам же и затеял в первый день обучения.

– С такими кулаками и колуна не надо: все в щепки покрошить может, – заметил один из старших учеников, растаскивая драчунов-первогодков.

Кулаки у Колуна были действительно знатными, а вот с учебой что-то не заладилось. Посему он до сих пор сидел в низших классах, несмотря на то, что с той исторической драки, принесшей ему имя и общую бурсацко-монастырскую известность, прошло без малого три года. В классе он имел свое «законное» место – на «камчатке», в самом темном и теплом (потому что рядом с печкой) углу. Место было завидное: там при желании можно было даже вздремнуть.

Сам Сашура по причине то ли малорослости, то ли по просьбе брата был посажен в первый ряд: прямо перед взорами учителей и тех учеников, кто отвечал у доски. И если на скучных уроках остальным ученикам можно было развлекаться, наблюдая за товарищами, стрелять в них из трубочки специально для таких случаев припасенной сушеной черемухой, то у Сашуры большого выбора не было. Он мог разглядывать лишь черную ученическую доску с меловыми разводами, деревянную кадешку с водой для питья, стоящую в углу на табурете, привязанную к кадешке помятую жестяную кружку, большой учительский стол в другом углу, у окна, и, собственно, самого учителя.

Брат Рафаил говорит, что именно поэтому Сашура так быстро нагоняет своих однокашников в знаниях, а иногда читает даже бы-

стрее, чем Колун. Не зря же третьего дня его при всем классе похвалил сам архимандрит монастыря Исаак Бердников, который преподавал в первом и втором классах Священную историю и катехизис, а в третьем и четвертом классах – богослужение и церковный устав.

Успенское Далматовское училище, которое стало для Александра Попова первой ступенькой к вершинам его научной и исследовательской мысли, было создано при монастыре еще в 1719 году¹.

Поначалу задачей училища было обучать «детей крестьян вотчинных чтению, письму и цифири, чтобы при пособии грамотности они, совершеннолетние, в хозяйственном управлении могли быть

**Далматовский
Успенский монастырь
со стороны реки Исети.
Начало XX века**

употребляемы по монастырю с пользою». В 1735-м к преподаваемым в училище урокам добавляется еще один предмет – латынь, и учреждение стало носить название «славяно-российская школа». Впоследствии она еще несколько раз меняла название. В 1762-м здесь была создана бурса, то есть место, где дети могли не только учиться, но и жить в общежитии при монастыре. Сюда съезжались

¹ Источник: <http://www.kraydalmatovo.ru/mlsn.htm>. А другой источник – книга В. Сутырина, О. Лобановой «Еще неслышим глас продленный...» – утверждает, что училище берет свое начало с 1714 года, с указа Петра Первого об учреждении цифирных школ для обучения детей вотчинных крестьян.

дети из Далматовского, Челябинского, Троицкого, Шадринского и Воскресенского уездов. Ну а собственно как училище для детей духовенства местная бурса числила себя с 12 марта 1816 года.

Одноэтажное здание Духовного училища тянулось вдоль крепостной стены, от западных ворот до юго-западной башни. В период, когда здесь учился Александр Попов, помещение состояло из 11 комнат. Из них четыре имели учебное назначение, в трех жили бурсаки, а в остальных квартировал господин смотритель. В третьем ярусе примыкавшей к училищу юго-западной башни помещались архив и библиотека, второй и первый тоже использовались под классы.

Жизнь в бурсе не однажды описана в русской литературе. Именно в таких заведениях получали начальное образование многие прославившие впоследствии Россию ученые, писатели, исследователи. Благодаря талантам писателей Н. Г. Помяловского («Очерки бурсы»), Д. Н. Мамина-Сибиряка («Из далекого прошлого») мы с вами знаем, как тяжел был гранит той науки.

Вот цитата из «Очерков бурсы» Помяловского: «Стены с промерзшими насквозь углами грязны – в чернобурых полосах и пятнах, в плесени и ржавчине... пол в зимнее время посыпался песком либо опилками: иначе на нем была бы постоянная грязь и слякоть от снега, приносимого учениками на сапогах с улицы... Между печкой и дверями вешалка, на спицах которой висит целый ряд тряпичный: шинели, шубы, халаты, накидки разного рода, все перешитое из матерних капотов и отцовских подрясников, – нагольное, крытое сукном, шерстяное и тиковое; на всем этом виднеются клочья ваты и дыры, и много в том месте злачнем и прохладном паразитов, поедающих тело плохо кормленного бурсака».

Справедливости ради надо заметить, что Николай Помяловский учился в бурсе на десяток-другой лет раньше Александра Попова. В те времена в духовные училища принудительно набирали всех неграмотных низших служителей церкви – дьячков, звонарей, сторожей. Поэтому рядом за одной партой могли сидеть и тридцатилетний женатый мужик, пригнанный в бурсу насильно, и десятилетний пацан, отправленный на учебу отцом-священником.

После 1861 года бурсацкая рекрутчина была отменена, и возрастной состав учащихся более-менее выравнивался. Но это никак не повлияло на укоренившиеся в бурсе нравы. Так, Д. Н. Мамин-Сибиряк, ровесник Александра Попова, тоже испытал учебу в духовном училище и выдержал там всего несколько дней.

Географ, исследователь Северного и Приполярного Урала, архипелага Новая Земля и полуострова Ямал, писатель-демократ Константин Дмитриевич Носилов (1858–1923 гг.) учился в одном классе с Александром Поповым. И, в отличие от последнего, оставил свои письменные воспоминания об этом периоде своей жизни.

«Это было не особенно приятное занятие после родного дома, – писал он, – нужно было вставать в 7 часов утра и есть у квартирной хозяйки простоквашу с шаньгой, потом с полверсты шествовать в

училище по самой грязной улице без тротуара, затем сидеть часами, дожидаясь звонка, за темными партами, пока не проголодается совсем желудок. Но как ни неприятно было учиться таким образом, я, однако, охотно ходил туда, в этот монастырь, и еще охотнее оттуда возвращался...»

По воспоминаниям современников, принуждение и зубрежка псалмов, кантов, молитв сформировали в бурсацкой среде тягостную атмосферу отбывания повинности, которая в одинаковой степени уродовала и преподавателей, и учеников.

«Это было у нас не учение, а какая-то бессмысленная долбня и истязания, о которых тяжело вспоминать чуть не через полстолетия, – писал Носилов. – Нас... наказывали, драли за каждую шалость, и не проходило ни одного урока без подобных жертв, которые робко сами шли на кухню к старому солдату для сечения. И ни слова ропота, как будто это обычное дело, и только когда приезжа-

ли проведать родители, что-то поднималось вдруг такое на душе, что давило ее, пока не хлынут слезы...»

Конечно, впечатлительному и хрупкому телосложением Саше очень тяжело пришлось бы в такой школе, не будь рядом старшего брата. Благоприятным для мальчика было и то обстоятельство, что после уроков он шел в комнату к Рафаилу, где делал уроки, ужинал и ночевал. Таким образом, главные тяготы и неприятности общежитской жизни бурсы его не коснулись.

ЗА ДАЛЕКОЙ МЕЧТОЙ

За окном воет ветер. Здесь, в Далматово, почти всегда ветер, а уж в феврале и подавно. Не зря в народе говорят: «Силен февраль метелью, а март – капелью». И толстые монастырские стены ветру не преграда. Он вольготно носится вдоль улиц и во дворах, в одних

местах выдувая большие проплешины, а в других – наметая сугробы самой причудливой формы. Днем слепит маленькие окна, лишая и без того скудный зимний свет последней возможности проникнуть в помещение. Ночью снова и снова швыряет сухой крупой в стекла, как будто вызывает смельчаков на бой.

Но смельчаков не находится. Город засыпает, затухают последние слабо освещенные окна, где-то визгливо скрипит плохо смазанными петлями калитка, где-то брешет разбуженная запоздалым прохожим собака.

В маленькой комнатушке съемной квартиры, накинув на плечи овчинную душегрейку, Сашура сидит за столом и при свете садовой свечи читает книгу. Он только что встретил рассвет на борту яхты «Дункан» вместе с Мэри и Робертом, детьми отважного капитана Гранта. И сейчас вместе с ними наслаждается запахом океана, шумом волн, бьющихся о борт корабля. Вот капитан приказывает сменить паруса, но распоряжения почти не слышно. Боцман, стараясь перекрыть рев стихии, дублирует приказ капитана, матросы передают его дальше по цепочке.

«А если кто-то из них что-то напутает или намеренно передаст приказ неправильно? Вот бы здорово придумать такую машинку, которая могла бы приказ капитана передавать сразу всем матросам», – думает Саша.

Внезапно пламя свечи, освещающее страницу библиотечной книжки, заметалось, рискуя совсем потухнуть. Сзади раздался шум закрываемой двери и знакомый шорох рясы. Это с вечерней службы вернулся Рафаил.

– Ну, что, ученик, все читаешь? Говорил: не буду буквы учить, они мертвые, а теперь от книжки не оттащишь, – Рафаил заглянул в книгу, удивился: – Неужто новая? Жюль Верн... А про Гулливера уже закончил?

– Закончил, – кивнул Саша. – Рафа, у меня вопрос. Скажи, можно ли придумать такую машину, чтобы голос был слышен на многие мили?

– Мили? А ты что уже в море собрался?

– Ну – мили, версты. Неважно... Вот, смотри, – горячится младший брат, – едут, к примеру, почтовые тройки от одного постоянного двора к другому. А если б можно было сразу сообщить, мол, выехали, к такому-то часу готовьте лошадей. Насколько быстрее можно было бы ездить! Да ведь, Рафа?

– Да, Сашура. В принципе, посылать сообщение можно и телеграфом, но, конечно, только в те места, куда протянуты провода. А вот такого механизма, чтобы голос сам летел на много верст, пока не придумали, – отвечает старший брат. – Знаешь что, давай сейчас мы с тобой чай будем пить, а потом на покой отправимся. Про мили и версты завтра подумаем.

– Давай, – соглашается Саша, только сейчас ощутивший, как от голода подвело живот. По случаю Великого поста на обед сегодня в бурсе были пустые щи из крупы, гороховая каша да чай из шипов-

Из семейного альбома

Г. да.
в афен.

Групповая фотография. А. С. Попов среди своих родных во время поездки на Урал. 1890-е годы. Отец Степан Петрович Попов, мать Анна Степановна, сестры: Анна, Августа, Капитолина

ника. Корочку хлеба, припрятанную им в рукаве, он съел сразу, как только пришел из библиотеки с новой книжкой.

Наблюдая, как Рафаил выкладывает на тарелку два ломтя ржаного хлеба да три вареные картофелины, пристраивает на стол берестяную солонку, разливает по кружкам ароматный, красно-

коричневый морковный чай, Сашура снова уносится мыслями в мир, придуманный Жюль Верном. Наверное, на яхте «Дункан» вечерняя трапеза была совсем другой...

На следующий день вместо уроков бурсаков повели в Христорождественскую церковь на богослужение. Сашуру снова поразили красота и тонкость резьбы, которой был сплошь покрыт иконостас. Круглые и плоские столбы шли от пола и до потолка. Наверху столбов – капители с булавами, ангелы с трубами, держащие блюда с фруктами, сплошь вызолочены. Около образов со всех

четырех сторон – рамы с резными же раковинами и карнизами. На решетчатых царских воротах – объемное изображение Воскресения Господня, где все, кроме лица и тела Господа, тоже вызолочено. Но долго разглядывать это великолепие некогда – в церковь пришли каяться и молить о прощении грехов.

– Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любве даруй ми, рабу Твоему, – густой бас священника, отца Михаила, гулко раздается в церкви, уносится ввысь, под купол и возвращается, многократно усиленный высокими каменными сводами. – Ей, Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков, аминь.

Сашура осеняет себя крестным знаменем и, кланяясь в пол, вновь – разбойник! – думает о том, как бы сделать так, чтобы голос человека мог лететь далеко, чтобы слышно его было и за сот-

Вид на город с колокольни Далматовского монастыря. Начало XX века

ню верст. Вон от отца Михаила какой в церкви звук идет. А поговори с ним на дворе – и вполвину этой силы не будет...

Далматовский монастырь середины XIX века в хозяйственном отношении был, как сказали бы сегодня, хорошо укомплектован. Кроме необходимых зданий и служб, там были небольшой огород, конный двор, несколько десятин пахотной и сенокосной земли. В озерах и курьях имелись специально оборудованные, принадлежащие монастырю «рыбные ловли», а в соседней деревне Притыке, на речке Исети работала мукомольная мельница. Монастырские умельцы ткали сукно на одежду, занимались изготовлением кирпича, который шел на строительство и мирских домов. После опустошительных пожаров многие жители Далматова стали строить кирпичные здания и кладовые в надежде, что при огненном бедствии хотя бы стены останутся.

«Все это и части благотворения представляющих обители служат средством для безбедного и нескучного содержания монастыря во всех отношениях», – замечает автор книги «Описание Далматовского Успенского монастыря» Г. С. Плотников.

Так же по-хозяйски обустраивали монахи духовное училище и все, что к нему прилагалось. Почти с первых лет основания монастыря в нем собирали книги. Среди них были так называемые «учительские» азбуки, арифметика, лексиконы, часословы, а также религиозные и светские книги. Библиотекой (и это, пожалуй, самое главное) пользовались не только монахи, но и грамотные крестьяне, а их в селе Николаевском¹ было предостаточно. Книги присылали из Москвы, Санкт-Петербурга, Тобольска. Пополнялась библиотека и за счет ссылавшихся в монастырь: они привозили книги с собой.

Вот какими книгами пополнилась библиотека Далматовского училища во времена пребывания там Александра Попова: восемь томов Майн-Рида, «Дети капитана Гранта» Ж. Верна, «Путешествия Гулливера в отдаленные страны» Дж. Свифта, «Библиотека путешествий» А. Плюшара, «Поездка на Амур Максимова», «Достопримечательные открытия в области земледения и этнографии», «Рассказы о китайской жизни», «Книга мира», а также русская классика – Гоголь, Достоевский, «Конек-Горбунок» П. Ершова.

Сашура Попов – бурсак

¹ Позднее город Далматов.